

Евгений Гаркушев

Ближкие миры

«Автор»

2003

Гаркушев Е. Н.

Бликие миры / Е. Н. Гаркушев — «Автор», 2003

В скромной квартирке рядового учителя математики Николая неожиданно появляется странная полупрозрачная гостья, и жизнь молодого человека разом меняется. Теперь он доктор наук, депутат, богатый человек и завидный жених. Но ведь и мир вокруг тоже не тот! Россия приобрела статус сверхдержавы и стала называться Страной Восходящего Солнца. Или все-таки Япония объединилась с Соединенными Штатами, превратившись в самурайскую Тихоокеанскую империю? Или нет иной реальности, кроме Евразийского Союза, в который преобразовался СССР? В любом случае героя ждут захватывающие приключения, интриги и любовь, которая бросит вызов времени и законам вероятности.

© Гаркушев Е. Н., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Содержание

Евгений Гаркушев

Ближкие миры

Таким образом, война, если подходить к ней с мерками прошлых войн, – мошенничество. Она напоминает схватки некоторых жвачных животных, чьи рога растут под таким углом, что они не способны ранить друг друга. Но хотя война нереальна, она не бессмысленна.

Дж. Оруэлл. 1984

Часть 1

ПОЧТИ КАК ДОМА

Хохот и крики учеников все еще стояли в ушах Николая, когда он открыл давно потевшую дверь своей квартиры, швырнул на обувную стойку портфель и, скинув пыльные туфли, прошествовал в гостиную, она же – спальня, она же – рабочий кабинет. Квартира, доставшаяся Коле Давыдову в наследство от бабушки, была однокомнатной, но ему площади хватало. В свои двадцать восемь лет он еще не женился. Л одному комнаты и кухни более чем достаточно. И за жилплощадь платить меньше.

Девушки охотно знакомились с высоким, симпатичным парнем, но, услышав, что он работает в школе учителем, начинали безудержно хохотать и уже переставали воспринимать нового знакомого всерьез. В зачет не шло ни университетское образование, ни хорошее воспитание, ни то, что Коля был нескудным собеседником, да и просто приятным молодым человеком. Одно дело – изредка общаться, другое – встречаться. Впрочем, некоторые девчонки даже не хохотали. Они молча поворачивались и уходили, мгновенно потеряв к Николаю всякий интерес.

Понятное дело, любая девушка хочет замуж за банкира. Или за руководителя крупной фирмы. На худой конец за предпринимателя, который ездит если не на «мерседесе», то на последней модели «жигулей». Конечно, банкиров на всех не хватает, да и предпринимателей по большому счету тоже. Но надежда умирает последней, и предприимчивые красавицы обходили Давыдова стороной. Ну а те девушки, что были согласны на любую партию, не устраивали его. Диалектика!

Вот уже пять лет, как Николай закончил механико-математический факультет университета. Получив диплом, он поработал немного в научно-исследовательском институте на треть ставки. Больше не предлагали – и своих кадров хватало. Точнее, мало было заказов на исследования и, соответственно, выделяемых руководством ставок для работников. Специалисты тоже разбежались с началом перестройки в поисках лучшей доли.

Поступить в аспирантуру было бы заманчиво, но стипендии там не платили, более того, требовали, чтобы будущий соискатель ученой степени заручился поддержкой какого-нибудь богатого предприятия, которое оплатит его обучение и после возьмет на работу. А где можно найти такое чудесное предприятие, что за удовольствие записать в свои сотрудники кандидата физико-математических наук готово выложить несколько тысяч долларов? Кандидатов наук хоть пруд пруди, и без дополнительных вложений их можно найти, если уж очень понадобятся...

Чтобы свести концы с концами, Давыдов разгружал вагоны, подрабатывал на стройках. Но в этих областях бизнеса существовала жестокая конкуренция. И университетское образование являлось скорее преградой, нежели подмогой в конкурентной борьбе.

Бывшие сокурсники Николая работали продавцами в магазинах, отлаживали компьютеры «чайникам» и «ламерам», писали на заказ программы. Но к программированию Давыдов был равнодушен, хотя в принципе в компьютерах немного разбирался. А к торговле испытывал живейшее отвращение. При одной мысли о том, что он может стоять за прилавком магазина или слоняться по торговому залу, пытаясь угодить привередливым покупателям, по его телу пробегала дрожь.

Школа появилась в жизни Николая случайно. Встретил завуча из своей бывшей школы, тот попросил поработать в родном учебном заведении хоть немного – учителей не хватало. Обещал хорошо заплатить за часы...

И как-то незаметно втянулся. Взял ставку, потом полторы... Зарплата небольшая, но если набрать больше нагрузки – уже терпимо. И, как ни крути, работать с детьми – не вагоны разгружать. И чище, и к любимой математике ближе. А детей Николай любил, хотя попадались среди них всякие.

Да много ли нужно одинокому человеку? В качестве приработка Давыдов время от времени писал контрольные работы по математике туповатым, но обеспеченным студентам-экономистам.

Особых терзаний по поводу своего положения Николай не испытывал. Да, хотелось большего. Ну, может быть, он станет директором школы. Или пойдет преподавать в институт. Или в конце концов займется бизнесом. Не женился пока – и ладно. Значит, не встретил еще ту, которая предназначена ему судьбой... Впрочем, относительно последнего Коля просто себя утешал.

Девушка, которая ему очень нравилась, жила в доме напротив и училась на третьем курсе экономического факультета местного института. Того самого, где Николай был бы не против преподавать. Звали ее Юля Сорокина, была она рыженькой хохотушкой и не воспринимала Давыдова иначе как специалиста по контрольным. Ради нее Коля готов был бросить школу, заняться коммерцией, ограбить банк... Но судьба пока не позволяла Давыдову сойти с начертанного пути. (А Юля, кстати, не считала его столь безнадежным человеком, скорее глубоким стариком.) Как бы то ни было, Николай душил в себе прекрасные порывы. Как он считал, до времени.

Сбросив пиджак и галстук, Николай двинулся на кухню. Там его радостным шуршанием встретила Машка – длинношерстная морская свинка. Давыдов мимоходом сунул ей купленную на лотке морковь. Самому тоже сильно хотелось есть, Николай достал из фанерного ящика в углу несколько картофелин и принялся их чистить. Надо бы переодеться, да некогда... Чем позже поставишь варить картошку, тем позднее она сварится. Радиорепродуктор тихо бормотал, рассказывая о пожарах и наводнениях.

Начистив шесть картофелин, Давыдов опустил их в кастрюлю с водой, поставил ее на огонь и вернулся в комнату, на ходу расстегивая пуговицы на рубашке. Думал он о своем, о школьном: как бы сдать на более высокий разряд, какие задачи предложить ученикам для проверочной контрольной. А когда поднял глаза, обыденные мысли разом вылетели из головы.

На его кровати в непринужденной позе сидела эффектная брюнетка в легком полупрозрачном платье цвета весеннего луга. Присутствие незнакомой миловидной девушки в комнате было еще полбеды. Мало ли как она могла сюда пробраться? Хуже оказалось то, что девушка слегка просвечивалась. Она была не то чтобы прозрачной, но все-таки в некоторой степени проницаемой для световых лучей. При желании сквозь нее можно было различить противоположную стенку.

Если учесть, что солнце еще не село, версия о привидениях подвергалась жестокой критике. Где вы видели привидение среди бела дня? Тривиальной галлюцинацией девушка тоже быть не могла – Николай вел исключительно трезвый образ жизни, психоделиков же вообще не пробовал никогда в жизни.

– Что же ты не раздеваешься, котик? – мурлыкнула девушка, глядя на застывшего Давыдова пронзительно-зелеными глазами, в которых плясали бесенята. – Иди ко мне!

Николай судорожно сглотнул:

– Ты прозрачная!

Почему обычно вежливый до нелепого молодой человек решил назвать странную гостью на «ты»? Наверное, к этому его подвигло то, что она сидела на его кровати. Хотя при чем здесь кровать? Да и вообще – можно подумать, для девушки информация о ее прозрачности будет откровением!

– Вот как? – тем не менее удивилась гостья. – Явная недоработка. Впрочем, Николай, у нас очень мало времени. Раздевайся быстрее!

– Зачем? – густо покраснел Давыдов.

Пожалуй, это был сон. Причудливый, немного страшный, но все же приятный. Девушка выглядела милой и привлекательной. Что с того, что прозрачная? Во сне и не такое бывает...

– Потому что ты должен быть без одежды, – уже более жестко, без мурлыкающих интонаций, заявила гостья. – Ну же!

– Я не могу при посторонних, – тихо пробормотал Давыдов.

– Какая же я тебе посторонняя? – кажется, даже возмутилась девушка. – Ишь чего выдумал! Быстро снимай рубаху, брюки и тапочки. Трусы можешь оставить. Ты ведь не ел еще?

– Нет... – протянул молодой человек, гадая, какое это имеет значение.

– Отлично! Время – деньги! Скидывай свои тряпки!

Коля мимолетно обиделся на то, что его лучший костюм гостья назвала «тряпкой» – костюм на самом деле был совсем неплохой, купленный в фирменном магазине известной швейной фабрики, – и, удивляясь сам себе, скинул тапочки, стянул брюки и избавился от рубашки.

– Вот и замечательно, – констатировала девушка.

Пол под Давыдовым будто бы провалился, перед глазами поплыли радужные пятна. Потом стало темно.

Николай какое-то время не мог понять: что происходит, где он и даже кто он?

Очнувшись, Давыдов обнаружил себя под прозрачным колпаком. За пластиком колпака угадывались светлые стены, размытые силуэты людей. Несколько мужских фигур, несколько женских. Кажется, там была та девушка в зеленом, что сидела на кровати в его спальне.

Колпак медленно и бесшумно поднялся. Сразу стало светлее. Предметы обрели резкость, насыщенный цвет. Николая окружали самые обычные люди. Мужчины в костюмах, при галстуках. Женщина в брюках. И – точно – та самая девушка в зеленом.

Давыдов сидел на пластиковой поверхности, обильно посыпанной песком. Да и на нем самом кое-где был песок. Мелкий, белый...

– С прибытием, Николай Васильевич! – радушно улыбнулся Давыдову мужчина лет пятидесяти, темноволосый, с проседью на висках.

– Привет, Коля! – помахала рукой девушка в зеленом. Сейчас ни она, ни ее платье не были прозрачными.

– Здравствуйте, – вежливо ответил воспитанный Давыдов.

– Извините, что оторвали вас от дел, – слегка причмокивая губами, повел речь тот же мужчина, который радовался его прибытию. – Вы меня не знаете? Меня зовут Лев Алексеевич, я возглавляю институт, где вы работаете.

– Что-что? – переспросил Николай. Глупая реакция, и Давыдов сам это понимал, но удержаться от реплики не смог.

– То, – бесцеремонно бросила девушка в зеленом. – Меня ты тоже не помнишь?

– Как же, помню, – отозвался Николай. – Вы мне велели раздеться там, у меня в спальне. Зачем, хотел бы я знать? Неужели нельзя было похитить меня в одежде?

Давыдов наконец осознал, как нелепо выглядит среди всех этих солидных и красиво одетых людей, и ему стало еще больше не по себе. Казалось бы, гораздо важнее знать, куда и к кому он попал. Но отсутствие брюк и рубашки волновало молодого человека куда больше.

Он встал, стряхнул с себя песок, оглядел собравшихся. Все они смотрели на него доброжелательно и с искренним интересом.

– На твоей одежде мы сэкономили пару тысяч рублей, – сердито бросила девушка. – Мог бы и трусы снять – все лишние пятьдесят граммов золота. Они на дороге не валяются. И хорошо, что поужинать не успел. Здесь поешь.

– Мои трусы не из золота, – смущенно пояснил Николай, хотя в общем-то это и так было заметно.

– То-то и оно, – непонятно к чему сказала девушка.

– Не нападайте на него, – вклинился в беседу высокий блондин с короткой острой бородкой. – Похоже, различий больше, чем мы ожидали. Позвольте, я пообщаюсь с Николаем Васильевичем. А тебя, Галина, Николай Васильевич, похоже, не знает.

– Но это же ерунда! Мы с ним вместе учились в университете! – попыталась возразить девушка. – В одной группе!

– Не учился я с вами в университете, – возразил Николай. – По крайней мере, я вас не помню.

– Ну и дела! – фыркнула Галина. – Да тот ли он, кто нам нужен?

– Тот, – кивнул Лев Алексеевич. – Николаю не узнать трудно. Пусть и в самом деле Семен с ним поговорит. Нечего здесь толпиться. Все на выход.

– И мы пойдем, – широко улыбнулся светлородый мужчина, беря Давыдова под руку. – Я еще не представился – Семен Кручинин, ведущий психолог института. Между прочим, ваш друг.

– Мы все ваши друзья, – сообщил от дверей Лев Алексеевич. – Помните об этом и чувствуйте себя как дома.

– Спасибо, – вежливо кивнул Николай.

– Пройдемте ко мне, – радушно предложил психолог. – У меня есть отличный кофе. И одежда для вас найдется. Посидим поговорим.

– Хорошо, – согласился Давыдов.

Все же лучше общаться с психологом, чем с какими-нибудь дуболомами. Даже если это психолог, состоящий на службе бандитов и террористов. Впрочем, зачем террористам мог понадобиться скромный учитель математики?

Семен Кручинин бодро шагал впереди, Николай трусил следом, шлепая босыми ногами по покрытому светлым линолеумом полу. Благо людей в просторных широких коридорах встречалось мало. Но и те, что встречались, не обращали на полуголого человека, семенящего за психологом, никакого внимания. Или делали вид, что не обращают.

Кабинет, куда Семен привел Давыдова, оказался роскошно обставлен. Кожаная мебель, пушистый ковер на полу, какие-то странные светильники в футуристическом стиле, шкафы самого современного дизайна.

«Да уж, солидная контора», – сделал вывод Николай и, подумав, высказал это же вслух. Хозяевам приятно будет. Может быть, расскажут, зачем его похитили. Или ненароком обмолвятся.

– Ваш кабинет гораздо лучше, – лучезарно улыбнулся Семен. – Но к вам мы пойдем немного позже. А пока я попрошу медсестру принести оттуда какую-нибудь запасную одежду.

– Что значит «мой кабинет»? – с трудом сохраняя спокойствие, поинтересовался Давыдов. – Вы что, берете меня на работу? Но почему таким странным способом?

– Извините, подготовить вас времени не было. Мы и так пропустили все сроки, – объявил психолог. – Вы уже два дня как должны были отыскаться. Ну да ничего, скажем, по лесам бродили. Тем более у вас, кажется, амнезия.

– Амнезия – это из дешевых сериалов, – попытался возразить Николай.

– Как вы знаете, народ их смотрит, – улыбнулся Семен. – Да и политики подчас тоже. Впрочем, моя задача заключается не в том, чтобы напускать таинственность, а в том, чтобы прояснить ситуацию. И подготовить вас к наилучшему исполнению роли. Своей собственной роли.

– Слушаю, – кивнул Николай, решив придерживаться конструктивной линии поведения.

В это время полненькая русоволосая девушка в белом халате внесла в кабинет психолога рубашку с коротким рукавом, джинсы и тапочки. Джинсы были ношенными, тапочки – стоптанными.

– Извините, чистить некогда было, – виновато сказала девушка. – Или почистить, Семен Михайлович? Вы сказали быстро нести...

– Не надо чистить, – горячо воспротивился инициативе медсестры Давыдов. – Я замерз. Так надену.

– Вы не замерзли, Николай Васильевич, – объявил Семен, когда девушка закрыла за собой дверь. – Вы просто все еще находитесь во власти комплексов, борьбе с которыми и посвящена моя деятельность здесь. Ну да ладно, об этом – позже. Сначала – о вас.

Николай поспешно натянул джинсы, они оказались ему великоваты, рубашка тоже болталась свободно, а тапочки как раз по ноге.

– А наш-то Давыдов разъелся, – непонятно к чему заметил психолог.

– Какой еще ваш? – поинтересовался недоумевающий Давыдов.

– Тот самый. Вы слышали о множественности миров? – вопросом на вопрос ответил Семен.

– Слышал. Только в каком смысле? Параллельные миры?

– Не так примитивно, но вроде того. Термин «временное распределение пространства» ничего вам не говорит?

– Нет.

Психолог пристально посмотрел на Давыдова.

– Вы, между прочим, сами его ввели.

– Что вы несете все время какую-то чушь? – не выдержал Николай. – Ничего подобного я не придумывал. И кабинета у меня здесь нет, как это ни печально. И работаю я в средней школе номер пять. Может быть, глупо в этом признаваться, но и скрывать очевидные факты большого смысла не вижу. И есть мне хочется. А картошка на кухне выкипит, пожар будет. Или уже выкипела? Сколько я был без сознания?

– Считанные секунды. И никакого пожара не будет, – успокоил Давыдова Семен. – Мы родителям вашим позвонили, они приедут, квартиру закроют, да и огонь на плите выключат.

– Позвонили родителям? – не поверил своим ушам Николай.

– Естественно. Вы были очень привязаны к родителям. Мне ли не знать! И покинуть их на несколько месяцев, если не лет, без предупреждения никак не смогли бы.

– Что значит «был привязан»? – еще больше насторожился Давыдов.

Похоже, похитители не собирались отпускать его в ближайшее время. И предприняли все меры для того, чтобы его не стали искать.

– Ничего. Оговорился, – как-то судорожно улыбнулся психолог. – Вы и сейчас к ним привязаны. Поэтому мы сообщили вашей маме, что вы улетели в Америку. По срочной программе обмена. И что уже оттуда позвоните.

– Они никогда не поверят, – вздохнул Николай.

– Вы позвоните и сами расскажете. Денег им пошлете, – предложил психолог. – Но жить будете здесь. Потому что вы нам очень нужны. Здесь вы принесете гораздо больше пользы, чем на почетном и ответственном посту учителя математики средней школы номер пять.

Николай послушно кивнул. Психолог говорил уверенно и убедительно. Только в глубине души Давыдов ему все равно не верил.

– Миров – множество, – спокойно и твердо констатировал Семен. – Немного смешно объяснять такие вещи тебе, тогда как ты в свое время объяснял их мне...

Медсестра или секретарь – одним словом, ассистентка Семена – принесла в кабинет кофе. Психолог откинулся в кресле и, кажется, забыл о необходимости говорить «вы». Что ж, возможно, он был на «ты» с прежним Николаем – Давыдов уже начал догадываться, что такой существовал или существует. Да и сам молодой человек почувствовал некоторое расслабление после первого же глотка превосходного горячего напитка. Может быть, в кофе что-то подмешали. А может, и воздух в кабинете психолога был пропитан какими-то успокаивающими ароматами.

– Так вот, есть миры, которые совершенно отличны от нашего, – продолжил Семен. – Там даже физические константы другие. Фундаментальные постоянные, свойства материи. Да что постоянные – там количество измерений и их свойства в корне отличаются от привычной нам картины... Но есть и зеркальные миры. Практически точные копии нашего. Или, во всяком случае, их близкие подобию. Их количество все время увеличивается, а различия, особенно в ближних зеркальных мирах, незначительны. Откуда берутся эти различия, как получается, что история, тождественная истории другого мира, сворачивает в другое русло, – я не знаю. Профессор Савченко тебе объяснит, если сам не поймешь в ближайшее время. В принципе вы работали в паре. Он создавал физическую картину, ты выполнял расчеты. Точнее, он и сам что-то считал, и ты занимался не только расчетами – так вышло, что твои теории очень емугодились. А его – тебе. Я не специалист, мне трудно объяснить.

– Савченко – это кто?

– Лев Алексеевич, пожилой мужчина, что встречал тебя в приемной капсуле. Директор нашего института. Физик-пространственник.

– Как называется институт?

– ИТЭФ. Институт теоретической и экспериментальной физики.

– И я сейчас в другом мире? – на всякий случай уточнил Давыдов, хотя вроде бы и так все было ясно.

– Да. В одном из ближайших зеркальных миров. Дорого сталась твоя переброска – именно поэтому Галина и пыталась сэкономить на каждом грамме веса, раздевая тебя. По-твоему, абсурд? Хотя, с точки зрения психоанализа, ее желание сэкономить копейки таким экстравагантным способом, тратя тысячи, дает пищу для размышлений...

Семен задумчиво улыбнулся, отхлебнул кофе, бросил на Давыдова быстрый взгляд поверх чашки. Впрочем, Николаю сейчас было не до психоанализа. И Кручинин продолжил:

– Дорого обошелся поиск. Но мы уверены, что цель оправдывает средства.

– Зачем же я вам нужен? – недоверчиво спросил Николай, который не слишком-то верил в свою избранность.

– Да затем, что наш Николай Давыдов, руководитель расчетной группы института, создатель математической теории временного распределения пространства, разбился на трассе М4, Москва-Ростов. А проект важен как никогда. Очень многое поставлено на карту. Без тебя мы

не проведем расчеты с нужной точностью. Не создадим реально действующую пространственную торпеду. Вся работа насмарку. И не забывай, что война надвигается...

– С Америкой? – уточнил Давыдов. – Или с исламскими государствами?

Семен едва не подавился кофе:

– Нет, конечно. До этого, к счастью, пока не дошло. С Монголией.

Николай взял из вазочки на журнальном столике еще одну трубочку с кремом – пирожные очень ему понравились – и покачал головой:

– Я, наверное, все-таки нахожусь в состоянии вялотекущего бреда. Любопытно, что в этом бреде со мной беседует психолог. Что бы это значило с точки зрения психоанализа? Вы говорите, война с Монголией? Из-за чего? И с кем там воевать? У них хоть армия есть?

– Зря я упомянул о Монголии и о войне, – вздохнул Семен. – Ошибся. Тебе бы с собой разобраться, а потом с историей и геополитикой. Мне, например, было очень трудно разбираться в истории и политике вашего мира. Да мы, впрочем, сильно и не углублялись. Хроноархеолог, Лина Валерьевна, кое-какую выборку сделала, но и ей было не до тонкостей. Срочный заказ. Лишь бы тебя найти. Поэтому на детали сейчас не обращай внимания. Через недельку, полагаю, освоишься. А сейчас забудь о том, что я сказал. Хорошо?

– Как же я могу забыть? Не получится...

– Отодвинь на второй план. Сейчас я коротко расскажу о тебе. Это важнее. И о себе ведь всегда интересно слушать? Вопросы задавай только в крайнем случае.

– Ну давай, – кивнул Николай.

– Ты руководишь одной из ведущих лабораторий института, входящего в пятерку самых сильных научных учреждений страны. Знаменитого ИТЭФа. Профессионально занимаешься математикой. Доктор физико-математических наук.

– Доктор? – забыв об обещании молчать, переспросил Давыдов. – В двадцать восемь лет? Или мне здесь больше?

– Столько же. День в день. Ты сделал успешную научную карьеру. Много работал, и, главное, твои теории были востребованы. Не сбивай меня, я и сам собьюсь.

– Хорошо-хорошо, – рассмеялся Николай.

– Кроме того, ты депутат Думского Собрания Евразийского Союза. Политикой не очень-то увлекаешься – скорее, занимаешься по необходимости. В сессиях Думского Собрания участвуешь регулярно – лоббируешь интересы науки. Выбрали тебя от нашего региона, потому что ты – молодой, перспективный ученый с высоким рейтингом, а наш институт сейчас известен на всю страну. И за это тебя кое-кто недолюбливает...

– А вот Евразийский Союз – это, простите, что? – почувствовав некую торжественность момента, вновь перешел на «вы» Николай.

Семен вытер лоб платочком и тяжело вздохнул.

– Не могли найти зеркального мира поближе, – пробормотал он будто бы про себя, но Давыдов услышал. – Евразийский Союз – государство, в которое преобразовался Советский Союз. Говоря проще, Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия, Казахстан, Закавказские республики и часть Среднеазиатских. Другие Среднеазиатские – на правах протектората. Собственно, только Прибалтика от нас отошла. А мы сильно и не горюем. Право транзита через прибалтийские территории есть у любого гражданина и негражданина, Калининград не в обиде. Живем как добрые соседи. Да и как иначе? Задвижка-то на трубе нефтяной и газовой у нас. Было дело, пытались националисты права качать, даже русских, что там живут, ущемлять начали. Но это не больше года продолжалось. Так хвост всем националистам придавили, что некоторые даже в Союз просились. Ну да мы их обратно не приняли. Плохой пример. Нечего туда-обратно бегать.

– Понятно, – кивнул Давыдов.

– Что такое Думское Собрание, объяснять?

– Парламент?

– Не совсем. Земское Собрание, съезд депутатов – что-то вроде этого. А парламент выбирается из членов Думского Собрания и работает на постоянной основе.

– И сколько же депутатов в Собрании? – спросил Николай, хотя по большому счету его интересовали гораздо более насущные вопросы. Да и в то, что говорил психолог, он не очень верил – слишком странно для него это звучало.

– Три с половиной тысячи, если не ошибаюсь. Какая разница?

– Да так... Любопытно...

Действительно – будь их там пятьсот человек или пять тысяч – что бы изменилось? Николаю, однако, не терпелось сразу определиться со своим статусом. Одно дело – один из пяти сот, другое – один из пяти тысяч. И врал Семен или нет – разницы нет. Может быть, поймав психолога на противоречии, Давыдов хотел убедиться в том, что все произошедшее с ним ему только чудится. Кто-то в бреду воображает себя Наполеоном или вице-королем Индии, а кто-то депутатом гипотетического Думского Собрания несуществующего Евразийского Союза.

– Вопрос не в том, – покачал головой Семен. – Вопрос в том, что тебя нужно выдать за настоящего Давыдова...

– Нужно ли? – с тоской спросил Николай. – И что, выходит, я – ненастоящий?

– Ты – настоящий, но права прежнего Давыдова потеряешь, если правда выйдет наружу. А это значит, что наш проект провалится. Люди, которыми ты дорожишь, окажутся на улице. Любимое дело будет уничтожено. Ты этого хочешь?

Давыдов не хотел. Он вообще плохо принимал реальность происходящего. И не видел смысла спорить с порождениями своего сознания.

– Так что, ты согласен с нами работать?

– Никогда не был нонконформистом, – кисло улыбнулся Николай. – К тому же, похоже, вы не дадите мне выбора. (Конформист – соглашатель. Соответственно, нонконформист – человек, с которым весьма сложно найти общий язык по любому вопросу.)

– Напротив. Мы даем тебе выбор. Между прозябанием в прежнем мире и блестящими перспективами здесь. Между серой жизнью и возможностью влиять на события. Доказать, что ты – это не ты, невозможно. С Давыдовым у тебя полностью сходны отпечатки пальцев, рисунок сетчатки глаза, форма уха. Биотоки мозга, в конце концов. Все, что угодно! Даже показания свидетелей ничего не дадут. Ты согласен заменить собой нашего погибшего товарища? И продолжить его дело? Твое дело, если на то пошло?

– Пожалуй, – равнодушно кивнул Давыдов, беря из вазочки третье пирожное.

– Тогда будем готовиться к встрече с общественностью. Но для начала нужно познакомиться с нынешними коллегами. Думаю, большая часть из них тебе незнакома.

– Большая часть? – удивился Давыдов. – Да как я могу знать здесь хоть кого-то?

– Так же, как мы знаем тебя. Ты учился с этими людьми, жил с ними в одном дворе, вместе ходил на работу... Гонял соседских мальчишек-хулиганов, встречался с девушками, переводил старушек через улицу... Этот мир похож на твой. Но имей в виду – люди, внешние копии тех, которых ты знал, могут оказаться другими. Совсем другими.

– Я буду это учитывать, – кивнул Николай.

Собственные апартаменты в институте – кабинет того, чье место он занял в этом мире? – потрясли Николая до глубины души. Такого он не видел никогда прежде – даже на приеме в мэрии. Площадью кабинет был около ста квадратных метров. Рабочий стол казался необъятным. Рядом с ним стояла тумба с мощнейшим компьютером, чуть поодаль – длинный стол для проведения совещаний. Над окном – кондиционер, за спиной – едва заметная дверь в комнату отдыха.

Лев Алексеевич Савченко сел во главе длинного стола, пригласил Николая сесть по правую руку и принялся представлять сотрудников:

– Евгений Евгеньевич Семилетов, ведущий специалист-математик.

Светловолосый мужчина лет тридцати пяти в бежевом костюме поднялся, улыбнулся, слегка поклонился и сел.

– Галина Изюмская, технолог.

Девушка, которая была прозрачной, а после возмущалась, что Давыдов отказался раздеться донага, помахала рукой и скорчила гримаску, которая могла означать все, что угодно. Вставать она не стала.

– Илья Гетманов, мой надежный помощник.

Высокий молодой человек с темной курчавой шевелюрой и в очках с толстыми стеклами как-то чересчур застенчиво улыбнулся, и Николая словно обожгло: Илью он видел прежде! Кажется, когда еще учился в университете. Тот ходил по коридорам университета сутулясь, словно бы стесняясь своего роста и широких плеч. Лицо молодого человека тогда было в прыщах. Сейчас от них осталось только несколько шрамов... Конечно, он мог встречать Гетманова: факультет физики и механико-математический находились в одном здании.

– Лина Валерьевна Андреева, хроноархеолог.

Круглолицая женщина с короткой стрижкой улыбнулась Давыдову широко и доброжелательно. Совершенно незнакомая Николаю.

– Серж Черкашин, ведущий программист. Именно Серж – не Сергей. Он на этом настаивает, – продолжал представлять сотрудников директор.

Худой блондин коротко кивнул, так что Николай едва успел это заметить и понять, кто же из присутствующих и есть Серж.

– Андрей Анатольевич Дорошев, программист, физик, мастер на все руки.

Лицо Дорошева тоже показалось Николаю знакомым. Он улыбался добродушно, кивнул и Давыдову, и представлявшему его Савченко. Слишком даже открыто – будто хотел обмануть окружающих своей бесшабашностью.

– Вот, собственно, и все, – закончил директор, словно бы смутившись. – С Семеном вы уже познакомились.

– Больше никого? – сам не зная зачем спросил Давыдов.

– Нет, в ИТЭФе, конечно, работает очень много людей. Только в вашей лаборатории – пятнадцать человек. Но в проект вашего возвращения мы больше никого не посвящали. Нет необходимости.

– Значит, здесь все самые близкие мои друзья?

– Да, да, конечно, – поспешно ответил Лев Алексеевич, но, видимо, не выдержал и добавил: – Кроме Вячеслава. Он на границе с Монголией. Работает с нашим оборудованием.

– Как его фамилия? – поинтересовался Николай.

Собравшиеся переглянулись. На лицах их было написано недоумение.

– Бурдинов, – сообщил Семен.

– Слава Бурдинов? – улыбнулся Николай. – Мы, стало быть, работаем вместе?

– Выходит, что так, – криво улыбнулся Серж Черкашин. – Вы его хотя бы знаете?

– Как не знать? В общежитии жили в одной комнате... Хороший парень. Правда, не видел его уже лет пять. Он на какую-то радиостанцию или телевидение устроился. Инженером. Я точно даже не знаю где. Кажется, там, откуда он родом. А сам он с Севера...

– На должность нашего испытателя и снабженца, а официально – моего заместителя по хозяйственным вопросам, вы сами его рекомендовали, – заметил Савченко. – Настоятельно рекомендовали. Так что он работает у нас, а не на радио.

– Его нельзя выпускать общаться с журналистами, – в сторону сквозь зубы процедил Серж, подразумевая, естественно, не Бурдинова, а Давыдова.

– Ерунда, – оборвал его Семен. – Николай справится. Ведь ты справишься, Николай?

Давыдов же отвлекся от разговора и думал сейчас о другом. Вспоминал Славу Бурдинова. И еще одного своего друга, одноклассника Славы – Игоря Малкова. И химика Колю Решетняка. Разбросала их жизнь, развела в разные стороны. Где они теперь? Дома они с Малковым и Решетняком хоть изредка перезванивались. А здесь, может быть, и не были никогда знакомы...

Между тем все ждали ответа Давыдова, Он спохватился и быстро сказал:

– Пожалуй, справлюсь. Отчего же не справиться?

– Отлично, – улыбнулся Савченко. – Узнаю молодого Давыдова – рыцаря без страха и упрека. Грудью на амбразуру...

Николай засмутился и спросил:

– А Игорь Малков не у вас работает?

Никто не отозвался. Только Дорошев через некоторое время вспомнил:

– Кажется, я встречался с неким Малковым на каком-то семинаре в, Москве. Он представлял один из тамошних институтов. Мы, мало общались – я запомнил фамилию ученого только потому, что он родом с Дона. Из Шахт, кажется.

– Да, из Шахт... – подтвердил Николай.

– Но речь не об этом, – направил разговор в нужное русло психолог. – Вы твердо решили показаться журналистам?

– Почему бы нет? Только дайте мне прежде посмотреть мое личное дело. Хотелось бы узнать о себе то, что вы знаете, а я – нет.

– Весьма разумно, – согласился Лев Алексеевич. – Мы вас, пожалуй, покинем. Обед в ближайшее время принесут. В институтскую столовую спускаться в первый день не стоит... И личное дело доставят сюда. И ваше, и ваших коллег...

– А я против того, чтобы он изучал мое личное дело, – встрепнулся Серж Черкашин. Холодное лицо его впервые выразило сильные эмоции.

– Но это ведь не тот Николай, – попытался вразумить его профессор.

– Тот, не тот – все они одинаковые, – фыркнул программист. – Хоть вы и директор, Лев Алексеевич, я своего разрешения на изъятие дела не даю.

– Да и не нужно, – пожал плечами Николай. – Мне бы с самим собой разобраться...

– Кто друг, кто враг – ты наверняка уже и так понял, – заявила Галина, бросив косой взгляд на Сержа. – А не понял – тебе быстро объяснят.

– Лучше бы не надо, – начал Семен, опасаясь, видимо, за психологическое состояние пациента, но директор властно взмахнул рукой:

– Все! Расходимся. Николаю нужен отдых. Никто к нему заходить не должен. Он сам пригласит, кого нужно.

– Пусть домой поедет, отдохнет, – предложил Семен. – Дома и стены помогают...

– Я побуду немного здесь. Освоюсь, – тихо сказал Давыдов. – А потом поеду домой. Живу я там же? Или вы скажете адрес? Да и вообще – где мы сейчас находимся? – В Институте теоретической и экспериментальной физики, – устало ответил профессор Савченко. – На проспекте Стачки. Живете вы тоже недалеко – в доме, который построил ИТЭФ. Что же касается адреса... Во-первых, не помню номер дома, хотя и сам в нем обитаю, и уж подавно номер вашей квартиры. Во-вторых, водитель доведет и проводит. Ваш служебный автомобиль – белая «волга» – на четвертом парковочном месте перед входом в институт.

Николай наконец был предоставлен самому себе. Странно все и небывало. Зачем математику – пусть даже и руководителю лаборатории – такой роскошный кабинет? А служебная машина? Ладно директору института. Но заведующему лабораторией? Или уровень жизни в стране поднялся до небывалых высот, или ИТЭФ занимается чрезвычайно важным делом. А может быть, и то и другое...

Заглянув в ящик стола, Давыдов обнаружил множество бумаг, черновых набросков с расчетами, смысл которых остался ему не совсем ясен. В принципе он знал все символы, в состоянии был решить большинство уравнений, но ради какой цели – это сейчас было выше его понимания.

Записи, сделанные, несомненно, его рукой, доставили Николаю гораздо большее удовольствие, чем созерцание огромного суперсовременного кабинета или новость о том, что у него теперь есть персональная машина и прикрепленный водитель. Он так стосковался по настоящей работе! Так хотел заниматься математикой! Не проверять тетради учеников с элементарными примерами, не решать немного более сложные, но такие же тривиальные задачи для студентов, а погрузиться в мир формул и отношений, тождеств и множеств...

Непосвященные считают, что математика – наука о числах. Ерунда. Числа изучает арифметика. Математика дает гораздо больше. Позволяет познать мир, логику всех процессов, которые имели или будут иметь место. Смоделировать любую ситуацию. А каковы окажутся результаты вычислений, это пусть заботит технарей. Дело математика – вывести четкую теорию. Впрочем, если теория математическая, она не может быть нечеткой.

Давыдов не стремился к общению с журналистами. Не желал участвовать в работе Думского Собрания, хотя прежде такое предложение ему, скорее всего, польстило бы. Во всяком случае, он не хотел заниматься этим в ближайшее время. Сейчас он мечтал лишь о том, чтобы взять в библиотеке самые последние рефераты и монографии, выписать все новые журналы и читать, читать... Несколько месяцев. Чтобы стать специалистом не хуже того Давыдова, который погиб здесь. И продолжить его дело. Закончить его. А что будет дальше... Об этом Николай предпочитал пока не думать.

Пухленькая миловидная девушка в белом фартучке – видимо, из столовой – принесла поднос, на котором стояло несколько тарелок.

– В комнату отдыха, Николай Васильевич? – поинтересовалась она.

– Да, конечно, – непринужденно кивнул Давыдов, хотя сам еще в этой комнате не был. И с усмешкой отметил про себя, что «большим» человеком быть не так уж сложно. Гораздо проще, чем «маленьким». По крайней мере, в некоторых ситуациях.

Девушка на минуту скрылась за незаметной дверью, вышла, улыбнулась и пожелала:

– Приятного аппетита.

– Спасибо.

Давыдов поднялся из-за стола и направился во вторую комнату. Она оказалось небольшой. В сравнении с кабинетом. В целом же это была комната средних размеров. Пожалуй, такая же, как в его прежней квартире. В комнате стоял вместительный шкаф для одежды, горка с посудой, маленький столик, два кресла, диван и привинченный к полу сейф. В шкафу – белая рубашка и черные брюки, три завязанных галстука. А вот обуви не было. Пришлось так и остаться в тапочках.

Николай присел за столик и быстро проглотил обед: салат из капусты, свиную отбивную с консервированной кукурузой, выпил чашку крепкого кофе без сахара. Похоже, девушка принесла стандартный обед, который всегда заказывал Давыдов из этого мира. Не иначе он худел. Или просто придерживался здорового образа жизни.

Тому же, кто был вызван ему на подмену, ожирение пока не грозило. Давыдов с удовольствием съел все и пожалел, что нет пирожных – тех, какими угощал его психолог Семен. Зато за потайной дверцей горки Николай обнаружил небольшой бар – две бутылки красного вина и несколько литровых пакетов с соком. Он выпил несколько стаканов нектара из манго.

Теперь Давыдов почти не жалел об оставленной на плите картошке. До сих пор он не мог равнодушно вспомнить о ней – рот наполнялся слюной. Беспокоился только, чтобы газ вовремя выключили.

Давыдов вернулся к рабочему столу и вновь начал просматривать бумаги. На улице стало темнеть. Но он и не думал об отдыхе. Зря, что ли, его сюда тащили? Отдохнуть не придется ни ему, ни его коллегам.

Словно чтобы подтвердить эту мысль, в дверь поскреблись.

– Войдите, – пригласил Николай.

Дверь приоткрылась, и в комнату проскользнула та самая девушка, которая заманивала его в ловушку. Галина Изюмская, как представил ее профессор Савченко. Технолог. Технолог каких процессов, хотелось бы знать?

– Ну что, освоился? – без предисловий спросила девушка.

– Да как бы тебе сказать... Наверное, еще нет. Но бумаги я посмотрел... С вычислениями разберусь быстро. Месяц-другой – и вы можете на меня рассчитывать.

– Отлично, отлично, – кивнула Галина. Впрочем, особой радости в ее голосе не чувствовалось. Воцарилось неловкое молчание.

– У тебя какой-то вопрос? – поинтересовался Николай через некоторое время.

– Какой ты все же зануда, – отметила девушка. – Нет чтобы спросить у меня о том, что на самом деле важно... Нет, мы не покажем своей неосведомленности... Все ходишь вокруг да около. Ты хоть понимаешь, в какую игру играешь?

– Не совсем.

– А надо бы. Думаешь, все рады твоему возвращению?

– Ну, Серж Черкашин, наверное, не рад. Кстати, почему? Что мы с ним не поделили?

– Давыдов расходился с ним во взглядах, – сделав ударение на фамилии, ответила Галина. – И вообще, в их отношениях прослеживалась глубокая антипатия. Подсознательная. Знаешь, бывает: увидишь человека, и хочется в него плюнуть. Вот так Давыдов относился к Сержу. И у Черкашина, как ни странно, по отношению к тебе с первого же взгляда возникла неприязнь.

– А остальные? Они не слишком любили Давыдова? Или, напротив, любили так, что я кажусь им самозванцем?

– Я просто в восторге, – с вызовом заявила Галина. – Потому что для меня важна линия поведения человека. Его позиция. Уверена, что ты займешь правильную позицию. А вот Семен не так прост, как кажется. И Дорошев твой...

– Может быть, – пожал плечами Николай.

Про себя он отметил, что у Изюмской довольно эгоистичный взгляд на вещи. Что же ей, совсем не жаль прежнего Давыдова? Наверное, жаль, если она подчеркивала тот факт, что он – не их Давыдов. Но, с другой стороны, что изменилось с тех пор, как здешнего Николая заменил он? И кому на пользу эти изменения?

– Ну давай... Счастливо. – Галина быстро провела двумя пальцами по щеке Давыдова. Просто дружеский жест? Или что-то большее? – На меня ты можешь положиться. Всегда и везде. А вот Вике не доверяй. И ни в коем случае не рассказывай ей ничего о себе. О том, что ты – перемещенный. Она может поднять вой, и ее не остановишь. Прикинься лучше больным. Я понимаю, любовь и все такое, но нашего Давыдова она просто использовала.

– Ладно. Я никому не скажу. Лишь бы ваши не проговорились.

– Наши не проговорятся. Каждый из нас чересчур заинтересован в этом деле и не будет болтать лишнего.

Давыдов подумал, что, наверное, он не дальновиден в выборе друзей. Вот сейчас он поверил Галине. А как знать – не держит ли она камень за пазухой?

– Вот скажи мне, Вика – это кто? Кажется, ее не представляли? Ну да, точно, иначе бы она знала, что я – перемещенный.

– Если ты и Вику не знаешь – напрасно мы все это затеяли, – пробормотала Галина. – Вика Орехова, ты же с ней в школе учился!

– Учился, – кивнул Николай. – Даже встречались мы немного... Недолго... Если это можно назвать «встречались»... Что было – то прошло.

– Здесь – не прошло, – вздохнула Галина. – Но было бы хорошо, если бы прошло.

Галина еще не успела выйти, как в дверях кабинета появилась броско и дорого одетая молодая женщина. Светлые волосы, стрижка каре, умелый макияж. Девушки едва не столкнулись. Но ни слова не сказали друг другу. Обменялись гневными взглядами и разошлись.

– Почему, хотела бы я знать, ты мне до сих пор не позвонил? – прямо с ходу спросила девушка.

Ноздри ее широко раздувались – не иначе от возмущения. Николай даже начал опасаться, что девушка подбежит и даст ему оплеуху, но вместо этого она упала в кресло с другой стороны стола и вытянула красивые длинные ноги, словно намеренно демонстрируя их.

– А почему я должен вам звонить? – автоматически ответил Давыдов, и ту же понял, что дал маху. Кем бы ни была девушка, выдавать себя не стоило. Впрочем, пусть и с трудом, но Николай узнал Вику Орехову. В своем мире он не видел ее уже несколько лет. Похорошела ли она по сравнению с прежними временами? Вряд ли... Но лоска, конечно, прибавилось.

– Вот как мы заговорили? – прищурился глаза, заметила Вика. – На «вы» и шепотом... И что же такого произошло?

– Ничего. Я попал в аварию, – солгал Николай.

– Знаю, – отрезала Вика. – И где тебя носило три дня?

– Заплутал в лесу. Почти ничего не помню. Голова болит. Наверное, сотрясение мозга.

– Что же ты, и номера моего не помнишь? А в записной книжке его нет? – уже издевательски спросила девушка.

– Книжки сгорели.

Вика фыркнула, тряхнула волосами, поднялась с кресла.

– Ты идиота из себя не строй. Я имею в виду записную книжку, встроенную в мобильный телефон. Как она могла сгореть? Да и при чем здесь, в конце концов, номер? Ты белены объелся?

Такая напористость молодой женщины показалась Давыдову неприятной. Но оборвать ее, попросить уйти было нельзя. Может, она вообще его жена? Хотя, с другой стороны, жить с этой женщиной он не намерен. Это неправильно, но никаких чувств к Вике Николай не испытывал.

В это время в кабинет заглянула женщина средних лет со стопкой папок в руках.

– «Личные дела», Николай Васильевич.

– Вы что, не видите, он занят?! – возмущенно закричала Вика.

Женщина не ответила, только вопросительно посмотрела на Давыдова.

– Оставьте, пожалуйста, – улыбнулся Николай. – А ты не смей никем командовать в этом институте, – тихо сказал он девушке.

Кем бы она ни была – вести себя подобным образом непозволительно!

Женщина положила папки на стол и вышла, а Вика так опешила, что не нашлась что сказать. Николай же открыл свое дело – оно лежало сверху – и начал быстро читать. В одной из граф он обнаружил запись: холост. Стало быть, Вика, скорее всего, его подруга. Которая берет на себя слишком много.

– Ты что, собираешься заниматься своей работой, вместо того чтобы уделить внимание мне? – собралась наконец с мыслями Орехова.

– Именно так, – кивнул Николай. – Мне некогда. Позже поговорим.

– Вот как? Прощай! – патетически воскликнул а девушка и выбежала из кабинета. В дверях, правда, она на мгновение задержалась – бросила взгляд назад, проверяя, догоняет ее Николай или нет. Но Давыдов и не подумал останавливать ту, что была его подругой десять лет назад.

Когда Вика исчезла, новоиспеченный руководитель лаборатории лишь облегченно вздохнул. Одной проблемой меньше? Или больше? Какая разница... Нужно работать. А личная жизнь подождет. Тем более он отлично помнил свои отношения с Ореховой после окончания школы, когда уже учился в университете. Как здорово, что они все-таки расстались! Хотя бы в его мире... А здесь он быстро приведет свои дела в порядок.

Прошло каких-то пять минут, и в кабинете появился Дорошев – тот самый парень, хитрую улыбку которого Давыдов так и не разгадал.

– Выгнал Вику? – поинтересовался он.

– Вроде того, – спокойно ответил Николай, хотя, возможно, и должен был возмутиться вторжением не слишком хорошо знакомого человека в его личную жизнь. Впрочем, это прежде они были малознакомы. А здесь могут быть и закадычными друзьями.

Дорошев опустился в кресло и тихо, точнее – бесшумно, захлопал в ладоши. Недоуменный взгляд Давыдова его нисколько не смутил. Но чуть позже он все-таки объяснил свое поведение с широкой улыбкой на лице:

– Весь ИТЭФ говорит. Радоваться изволят.

– И что?

– Да ничего. Давно пора было. Но у нашего Давыдова, видишь ли, духу не хватало. Ты, стало быть, покрепче будешь.

– Для меня это в общем-то не составило труда, – признался Николай. – Чувства угасли, трезвый взгляд на мир вернулся.

– То-то и оно... – непонятно что имея в виду, отозвался Дорошев.

Помолчали.

– С тобой-то мы дружим? – поинтересовался Давыдов. – Или просто сотрудничаем? Или ты, как и многие, недолюбливаешь меня?

Дорошев хитро улыбнулся:

– За что же мне тебя любить? Ты вроде не девушка, а к молодым людям я спокойно отношусь. Не то что Черкашин. Но и недолюбливать тебя вроде бы не за что. Так что, пожалуй, дружим. Люди должны уважать друг друга.

Не согласиться с таким утверждением было трудно. После некоторой паузы Николай поинтересовался:

– Ты зачем пришел?

– Выразить свое уважение и одобрение.

– И больше ничего?

– А мне от тебя ничего не нужно. К высоким постам я не стремлюсь, интриг не затеваю. Как многие здесь.

– Кто же эти «многие»?

Дорошев опять загадочно улыбнулся, подумал немного:

– Да не все ли равно? Сам поймешь со временем. А не поймешь – так и не надо. Судьбу не обманешь. И вот тут в кабинет вошел Лев Алексеевич.

– Беседуете? – спросил он.

Похоже, директор института не ожидал застать в кабинете Давыдова кого бы то ни было. И уж во всяком случае он не обрадовался, увидев здесь Дорошева. Но молодой физик не растерялся, нахально улыбнулся боссу и молча покинул кабинет.

– Ты бы домой поехал, – растягивая слова, сказал Савченко. Теперь, наедине, он обращался к Давыдову на «ты». – Отдохнул бы, выспался. На завтра назначена пресс-конференция. Выступишь, объяснишь, что попал в аварию, долго был без сознания, потом очнулся у незнакомых людей и с трудом добрался до института.

– Поверят? – спросил Николай.

– Должны, – ответил Лев Алексеевич. – А нет – их проблемы. Пойдем, я тебя до машины провожу.

Вряд ли директор ИТЭФа хотел оказать заведующему лабораторией любезность. Скорее всего, был заинтересован в том, чтобы того больше никто не беспокоил. Почему? Сложно сказать. Может быть, не хотел, чтобы он о чем-то узнал. Может, сам намеревался что-то ему рассказать.

– Водителя твоего зовут Толик, – вспомнил по дороге Савченко. – Фамилию забыл, в отделе кадров узнаешь. А можешь и не узнавать – тебе с ним детей не крестить. Впрочем, лучше информации о нем побольше иметь, хоть он товарищ и проверенный. По совместительству Толик и твой телохранитель. Крепкий мужик.

– Телохранитель? – переспросил Николай. – Зачем же мне телохранитель?

– Ты – носитель оборонных секретов. К тому же депутат, государственный человек. Как без охраны? За мной так вообще двое гавриков все время ходят. Если я не в институте.

Директор на некоторое время замолчал, уже на выходе из института протянул Николаю связку ключей и цветную карточку в пластике.

– От твоей квартиры, от машины, от сейфа... Нашли на месте аварии. И удостоверение депутата.

– А Давыдова? Здешнего Давыдова нашли? – сглатывая ком в горле, спросил Николай.

– Нет. Машина в реку упала. Похоже, что тело унесло, – ответил Савченко.

– Как же ключи обнаружили?

– Ключи были в машине, в «бардачке». Коля не любил карманы оттягивать... И удостоверение там же. Машину уже подняли со дна.

– Остальные документы пропали?

– Вряд ли. Скорее всего, дома лежат. Зачем носить с собой еще какие-то документы, если есть депутатское удостоверение?

Профессор так и стоял, держа в протянутой руке ключи. Преодолевая нервную дрожь, Николай взял ключи и карточку, положил их в разные карманы джинсов. Этим действием он словно бы вступил во владение наследством. Занял место Давыдова в здешнем мире.

Большая связка ключей в кармане действительно мешала.

Приземистый плечистый Толик оказался весьма молчаливым субъектом. Давыдов тоже сначала помалкивал. Не хватало еще выдать себя какой-нибудь мелочью. Он ведь даже не расспросил подробно об аварии у директора института и у сослуживцев. Да те и не рвались что-то рассказать ему.

Если Толик – его телохранитель, почему его не было в машине, когда Давыдов попал в аварию? Да и на какой машине он разбился? На своей личной? Не мешало бы разузнать детально...

Служебная «волга» была хороша... Просторный велюровый салон, пятиступенчатая коробка передач, бесшумно работающий двигатель... Словно бы и не «волга» даже, а иномарка какая-то. Да и силуэт у машины был не слишком «волговским». Хотя в целом дизайнерская линия сохранилась, теперь «волга» больше напоминала «ситроен» последней модели. Повстречай Давыдов такую машину в городе и не прочитай название – и не подумал бы, что автомобиль отечественный.

Три минуты – и Толик затормозил у первого подъезда нового пятнадцатипятиэтажного дома.

– Приехали, Николай Васильевич, – сообщил он. – Когда завтра подъезжать? Или еще какие-то дела сегодня будут?

Николай задумался. Он ведь даже не знает графика работы ИТЭФа! Вставить ни свет ни заря не хотелось. Опаздывать в институт – тем более. Да и сегодняшние события... Мало

ли что случится. А ведь Давыдову даже денег не дали – и на автобусе он никуда поехать не сможет. Впрочем, зачем куда-то ехать?

– Обычно мы во сколько уезжаем?

– В половине девятого, – слегка удивившись, ответил водитель.

– Вот и завтра будь в половине девятого, – резюмировал Николай.

– Понятно. Я думал, может быть, вам отдохнуть подольше захочется. После всех этих передряг...

– Некогда отдыхать. Дел много. Да, кстати, Толик, а – машину я вдребезги разбил? – осторожно спросил Николай. – Я, видишь ли, отключился после аварии. Да и сейчас все те события как в тумане...

– Бывает, – добродушно прогудел Толик. – Нельзя было без меня ехать.

– Что самое смешное – забыл, куда ехал... Зачем...

– И это бывает...

– Так что с машиной-то?

– Только под пресс, – вынес вердикт Толик. – Или старьевщикам продать на запчасти. Вы на такой колыхаге точно ездить не будете. Корпус никуда не годный, да и двигатель разбит. Хорошо еще, что на «ниве» поехали. Сплющило ее здорово, но вас, к счастью, не очень зацепило.

– Да, – кивнул Николай. – Без машины неудобно будет...

– Почему же без машины? – искренне удивился водитель. – Я всегда наготове, да и ваша новая «десятка» вполне для бездорожья подходит. У нее ведь и клиренс регулируется.

– Что такое клиренс? – простодушно поинтересовался Николай, забыв, что здешний Давыдов мог быть знатоком автотехники.

– Ну, просвет между днищем и дорогой. Корпус поднимается-опускается, если по ямам ехать нужно. Конечно, когда клиренс большой, ездить приходится медленно. Все же «десятка» не вездеход...

– Да, действительно, – согласился Давыдов. Выходит, у него было две машины?

– И старая «девятка» на ходу, что у родителей во втором гараже стоит, – продолжал докладывать Толик. – Я ее в мастерскую сгонял, почти как новая стала. Аккумулятор регулярно отец заряжает. Хоть сейчас садись да езжай... Если новую машину жалко.

– Спасибо, Анатолий, – поблагодарил водителя ошарашенный Давыдов. – Вы меня до двери проводите?

– Конечно, Николай Васильевич, – удивленно поднял брови водитель. – Как положено по инструкции. После вы сами можете идти куда угодно, а вот до квартиры в любом случае я вас сопровождать обязан. Известно ведь, что чаще всего на руководителей нападают, когда они домой возвращаются.

Толик распахнул свою дверцу, но отправился не к подъезду, а к задней дверце со стороны пассажира. Николай решил, что позволять открывать перед собой двери точно не будет. Поспешно вышел, кивнул водителю. Тот зашагал впереди. Кодового замка в подъезде не было, и Давыдов отметил это как упущение. Но, как оказалось, в этом и не было нужды. В светлом коридорчике за конторкой под большой пальмой сидела пожилая консьержка, перед которой помещалось несколько мониторов.

– Здравствуйте, Николай Васильевич, – привстала с места женщина.

То, что Николай в тапочках, ее несколько не смутило, хотя тапочки рассмотреть она наверняка успела. Каких только курьезов не бывает в жизни! Зарплату платят за хорошее и вежливое обслуживание, а не за лишнее любопытство. Зачем же раздражать ненужным вниманием уважаемого квартиросъемщика?

– Здравствуйте, – поклонился Давыдов, испытывая неловкость и оттого, как он выглядит, и оттого, что не знает, как зовут консьержку.

Толик вызвал лифт, нажал на кнопку с цифрой «семь», и украшенная зеркалами кабина мягко пошла вверх. На седьмом этаже водитель выглянул на площадку и посторонился, давая дорогу Николаю. Видимо, сам он выходить не собирался. Действительно, в охраняемом подъезде с его подопечным вряд ли могло что-то случиться.

Давыдов остался один. К счастью, на площадке было только две двери. Но которая из них его? Та, что прямо, или та, что направо? Тринадцатая или четырнадцатая? Никаких табличек, кроме номеров, на дверях квартир не было.

Четырнадцатая квартира показалась Николаю чем-то приятнее. И дверь ее была обита светлым деревом, и на стене рядом был привинчен крючок для сумки – такие мелочи всегда нравились Давыдову.

Николай внимательно осмотрел связку ключей. Один из них, тонкий и длинный, с бородками, торчащими в четырех направлениях, мог подходить к замкам обеих квартир. Обе запирались на два замка. Давыдов попытался прикинуть, как выглядит ключ от другого замка, когда дверь тринадцатой квартиры распахнулась и на пороге появилась девочка лет двенадцати.

– Здравствуйте, дядя Коля! А что вы здесь стоите? – спросила она.

– Здравствуй. Смотрю, те ли ключи взял.

– У нас есть запасные. Позвать папу? Стало ясно, что девочка – не родственница и вряд ли. она живет у него в квартире вместе со своим папой.

– Нет, нет. Все в порядке. Ключи те, что нужно.

Николай быстро подошел к двери четырнадцатой квартиры, открыл нижний замок, попытался открыть верхний, но у него не получилось, пока он не сообразил, что ключ нужно поворачивать в другую сторону. Оказалось, что второй замок не заперт, а он, пытаясь открыть, закрыл его.

Перешагнув порог, Давыдов включил свет и задвинул щеколду. Вот он и дома. Нужно только осмотреться...

Красиво жить не запретишь! Устроился Давыдов более чем неплохо. Квартира четырехкомнатная. И комнаты – вполне приличные, не какие-то маломерки. Из холла можно было попасть на кухню. Чуть дальше по левую руку располагалась большая гостиная, еще дальше – кабинет, или библиотека. Здесь стоял компьютер, вдоль стен множество книжных полок. Здесь же вход в спальню – не очень большую комнату с широкой кроватью, шкафом и дверью на балкон. По правую руку от холла располагалась комната с велотренажером и шведской стенкой. Что ж, с четырьмя-то комнатами вполне можно выкроить себе спортзал.

Николай не знал, с чего начать. Сварить себе кофе? Посмотреть, что есть в холодильнике? Включить компьютер? Или в самом деле завести будильник и лечь спать?

На рабочем столе в кабинете запиликал телефон. Трубка была большой – скорее всего, телефон с обычным радиодлинением от базы, а не сотовый.

– Почему не звонишь, Коля? – раздался в трубке голос мамы.

Давыдов вздрогнул. Все вокруг было чужим, даже враждебным – и вдруг родной, привычный голос. Мысль о том, что с ним говорит вовсе не его мать, показалась чудовищной. Как бы там ни было, родители этого Давыдова – и его родители. Чем, собственно, они отличаются от его отца и матери?

– Я, мама, не в себе, – признался он. – Ударился сильно, потом в больницу повезли. Разве тебе Лев Алексеевич не звонил?

– Звонил.

– Я к вам приеду. Через несколько дней. Сейчас много работы.

– Хорошо, – коротко ответила мама.

Наверное, обиделась. Но ему нужно вжиться в роль. Кто, как не мать, в первую очередь может почувствовать, что он – это не он? И кому от этого будет лучше? Только врагам. А в том, что враги у него здесь были, Давыдов уже не сомневался.

Взяв с собой телефон, Николай пошел в гостиную и включил телевизор. Пожалуй даже, это был домашний кинотеатр. Экран – наверняка больше семидесяти сантиметров по диагонали. В тумбочке под телевизором стоял видеомагнитофон, усилитель, а к телевизору были подключены дополнительные колонки.

И вновь эффект «дежа вю» – на огромном экране стрелки часов на Спасской башне Кремля показывают девять вечера. Знакомая мелодия из кинофильма «Время, вперед!», и на экране появляется ведущий. Началась программа «Время».

Давыдов ожидал сообщений о терактах, пожарах, наводнениях. Но вместо этого диктор бодро зачитывал информацию о том, как идет сев. Картинка перебивалась сюжетами из разных областей и республик. Время от времени показывали смоделированную на компьютере карту Евразийского Союза, диаграммы и графики.

– Любопытно, кто-нибудь это смотрит? – вслух спросил сам себя Николай.

Впрочем, ему почему-то было важно узнать, что и где сейчас сеют. Несмотря на то что сельским хозяйством он не интересовался практически никогда.

Посевную кампанию сменили прочие дела внутри страны: отчет с заседания правительства, справка о работе парламента. Как бы между прочим диктор заявил, что завтра ожидается пресс-конференция известного математика Николая Давыдова, депутата Думского Собрания, пропавшего три дня назад и отыскавшегося несколько часов назад. Николай первый раз слышал, как о нем говорят в новостях. Было это не радостно, а скорее пугающе.

Затем программа плавно перешла к международным событиям. Напряженная ситуация сложилась вокруг Ирака, у которого обострились отношения с Саудовской Аравией и ее союзником – Соединенными Штатами Америки. В Европе все было Спокойно. Обсуждался вопрос о принятии в Европейский Союз Югославии и Польши. Прямо скажем, с непривычки названия «Евразийский Союз» и «Европейский Союз» можно было перепутать. Впрочем, дикторы часто заменяли первое словосочетанием «Наша Родина», а второе сокращали до ЕС.

Поцелкав кнопками пульта дистанционного управления, Давыдов понял, что смотрел самый официальный и проправительственный Первый канал. Другие телевизионные каналы подавали информацию в гораздо более легкой и доступной форме. Каналов нашлось больше десятка, но Николай решил пока что выключить телевизор. Просмотреть бумаги, ознакомиться с записями в компьютере – и спать.

Устроившись в удобном крутящемся кресле за рабочим столом, Николай принялся исследовать ящики. Бумаги, бумаги... Самые разные: счета, наброски, расчеты...

Яркий розовый конверт сразу привлек внимание Давыдова. Да и лежал он поверх других бумаг – наверное, что-то важное.

Достав из аккуратно разрезанного конверта белый листок, Николай обнаружил, что он исписан изящным стремительным женским почерком.

«Николай!

По моим сведениям, на вас готовится покушение. Пожалуйста, не отходите далеко от дома и ИТЭФа, не расставляйтесь с телохранителем. Помочь вам ничем не могу – хорошо хоть могу предупредить.

Понимаю, что мое письмо покажется вам странным, но умоляю: верьте мне! Берегите себя!

Имени не пишу для своей и вашей безопасности – вы понимаете, кто я. Последний раз мы встречались с вами у маленького фонтана».

Прямо скажем, текст был не слишком убедительным. Но просто так подобные письма не пишут...

От листка исходил легкий аромат дорогих духов, тонкий и притягательный: цветы и горечь.

Штемпель на конверте указывал, что письмо было отправлено ускоренной или курьерской почтой шестого мая. Пять дней назад. За день или за два до того, как разбился здешний Давыдов.

Также Николай отметил тот факт, что его предшественник не учел ни одного из пожеланий своей таинственной знакомой. Он уехал один, на далекое расстояние от города и вряд ли предпринял какие-то меры безопасности.

Любопытно было бы узнать, что за женщина предостерегала его. И от чего. Может быть, авария была подстроена? Слишком уж много мути развели вокруг этого происшествия его друзья. Те, кто называл себя друзьями...

Давыдов положил письмо на место и открыл нижний ящик. В нем он обнаружил резную деревянную шкатулку, в которой лежало несколько разноцветных купюр: три красных червонца, фиолетовая четвертная, зеленый полтинник, желтая сотня. Цветовая гамма – как у советских денег. Но рисунок другой. Что это – старые купюры, новые? Можно ли на них что-то приобрести? Николай с детства увлекался нумизматикой, неплохо разбирался и в бонистике, то есть собирании бумажных денежных знаков.

Год выпуска на деньгах ни о чем не говорил. В 1994 году могли ходить и старые деньги, и новые. В его России в девяносто четвертом году свирепствовала инфляция, счет шел уже на миллионы. Десять рублей того времени не стоили ничего. Но, может быть, здесь дела обстояли по-другому?

Содержание ящиков стола дало много информации для размышлений. Оставалось включить компьютер.

Загружающаяся операционная система и ее оболочки были ему незнакомы. Где же старый добрый (или не очень добрый) Майкрософт? Николай уже так привык к развевающемуся флагу в виде окна или окну в виде флага. И вот, оказывается, можно обойтись и без этого...

В принципе Давыдов знал о существовании других операционных систем. Но работать с ними как-то не приходилось. А эта, похоже, была отечественного производства, хоть и написанная с использованием латиницы. При загрузке система показывала в левом верхнем углу яркую куклу и название фирмы-производителя: «Матрена», так что при чтении по-английски русское слово «Матрена» звучало не слишком благозвучно – какая-то странная «Мампиха».

Впрочем, работа в «Матрешке» мало отличалась от работы в «Виндоуз». Папки, вложенные одна в другую, открывающиеся наподобие матрешек, с обязательным указанием всех папок в верхней.

В компьютере были и прикладные программы, и наброски научных статей, и игры. Давыдову в очередной раз подумалось, что не очень-то хорошо присваивать плоды трудов того Николая, что жил здесь. Конечно, что касается использования интеллектуальной собственности, то ни покойный Давыдов, ни его наследники, если таковые имеются, не обеднеют. Тем более он ведь будет продолжать работать и приносить пользу всем, кто каким-то образом зависел от человека, которого Николай заменил. А вот с изобретениями, открытиями было сложнее. Гость из другого мира знал, что он этих открытий не совершал. И присваивать их было все равно что носить чужие ордена.

«Вряд ли я останусь здесь надолго, – успокоил себя Николай, выключая компьютер. – Мне нужно вернуться домой, в свой мир. А здесь я доведу те дела, которые должен довести, и постараюсь при этом быть хорошим актером. Только бы ничего не перепутать».

Ложиться в холодную чужую постель было жутковато – хотя Давыдов и заменил простыни. Глупо? Наверное... Кого он боялся? Самого себя, восставшего со дна реки? Лишено смысла ожидать, что мертвые причинят тебе вред. Но свет в коридоре Николай выключать не стал.

Будильник зазвенел, как всегда, неожиданно. Николай подскочил на постели, с ужасом огляделся. Где он? Как успеет добраться до школы из другого города? То, что он не в родных Шахтах, Давыдов понял сразу. Впрочем, и то, что он вообще не дома и пока что самостоятельно вернуться домой не может даже теоретически, он вспомнил очень быстро.

В ванной из крана шла горячая вода. Николай, у которого в прежней квартире не было даже колонки, с наслаждением принял душ, вытерся пушистым махровым полотенцем, побрился безопасной бритвой и почувствовал себя заново рожденным. Подтянутым, бодрым, уверенным в себе.

На его предшественника здесь, похоже, покушались. В этом он уверился поздно вечером, засыпая. И сейчас думал об этом отстраненно. Скорее всего, опасность грозит и ему. Ну и что? Игра стоит свеч. Он будет гораздо внимательнее, чем тот Давыдов, что жил здесь до него...

Завтракать еще рано – перекусить можно в институте или в городе. В платяном шкафу оказалось несколько строгих костюмов. Там же нашлись яркие свитера, рубашки отличного качества. В прихожей в тумбе для обуви – несколько пар туфель, кроссовки. Давыдов надел темно-синий костюм, завязал яркий галстук, выбрал новую пару туфель и, захватив из вчерашней шкатулки несколько купюр, – вышел из квартиры. Консьержка опять вежливо поздоровалась с ним, и Николай широко улыбнулся ей в ответ.

Машины во дворе еще не было. Впрочем, точного времени Николай не знал. Наручных часов он в квартире не нашел, хотя подозревал, что они где-то должны быть. Даже у него при относительной бедности имелись запасные механические часы – купил новые, сильно понравившиеся, когда старые еще не вышли из строя. И, естественно, старые «командирские» тоже выбрасывать не стал. Разумно предположить, что преуспевающий Давыдов также имел не одни.

Ожидая Толика, Николай с любопытством глядел по сторонам. В этом районе Ростова он бывал прежде, хотя и не часто. По сравнению с той улицей Стачки, что он помнил, здесь было больше магазинов. Витрины в них, выглядели не то чтобы ярче, а как-то респектабельнее. А вон и небольшой продуктовый магазинчик – Но все же магазин, а не киоск – неподалеку от подъезда, метрах в тридцати.

Николай решил, что не помешает зайти, посмотреть на товар. Есть ли здесь дефицит? Что почем? Магазинчик уже был открыт, но покупателей пока не наблюдалось. Или их здесь вообще бывает мало?

– Здравствуйте, Николай Васильевич! – приветствовала его молодая продавщица.

– Здравствуйте, – кивнул Николай.

Давыдова уже начало раздражать, что все его знают, тогда как он не знает никого. Может быть, он должен этой девушке деньги? Или этот магазин вообще принадлежит ему – почему бы и нет? Но как это выяснить?

– Что-то вы рано сегодня, – кокетливо улыбаясь, заметила продавщица.

– Машины нет. Зашел цены посмотреть... – Николай осекся: сказав правду, он сморозил очередную глупость – зачем смотреть цены в магазине, который посещаешь каждый день? Другое дело – что-то купить...

– Вам показалось, что вас обсчитали? – испугалась девушка.

– Что вы... Меня довольно сложно обсчитать. Профессия помогает. Просто думал сделать массовые закупки, разузнать, все ли есть в ассортименте...

– Если чего-то нужного нет – мы привезем, – с готовностью заявила продавщица. – В любом количестве. С доставкой на дом. Только скажите – к вечеру будет, почти по оптовой цене.

– Хорошо-хорошо, – кисло улыбнулся Давыдов.

Врать было не очень приятно и, главное, не слишком хорошо удавалось.

Что ж, в магазинчике действительно всего имелось достаточно. Несколько сортов вареной и копченой колбасы. Три сорта сыра. Много всяких консервов. Напитки: лимонад в стеклянных и пластиковых бутылках, квас, кефир, молоко. Названия на некоторых бутылках прямо-таки удивляли: сбитень, медовуха... Было и пиво, но выбор оказался не слишком разнообразен – сортов пять. В дальнем углу стояло несколько бутылок кока-колы. Судя по всему, единственный импортный напиток, имевшийся в магазине.

По ценам можно было догадаться, что, если деньги, лежавшие у него в кармане, не устарели, то он нашел в шкатулке приличную сумму. Поллитровая бутылка пива стоила рубль, лимонад – двадцать копеек. Килограмм колбасы – от двух до десяти рублей. Только кока-кола выбивалась из общего ряда: литровая бутылка – пять рублей. Высокие таможенные пошлины?

Заметив, что покупатель шарит взглядом по полкам, продавщица извиняющимся тоном сказала:

– Хлеб и булочки еще не привозили, Николай Васильевич. К десяти часам будут. Если нужно, водителя пришлите.

– Нет, не нужно. Вы мне дайте, пожалуйста, бутылочку сбитня. И бутылку медовухи.

Девушка уложила в пакет покупки, вручила его Давыдову, а он дал ей двадцатипятирублевую купюру. Продавщица быстро посмотрела на нее и вернула назад с виноватым выражением на лице.

– Что-то не так? – смутился Николай.

– Потом рассчитаетесь.

– А в чем дело?

– Утро. У вас помельче денег нет?

– Только эти.

– Ну и ладно. Занесете в следующий раз.

– Как же? Может быть, я скоро здесь не появлюсь...

– На сессию Думского Собрания уезжаете? – проявила осведомленность о депутатском статусе Давыдова продавщица. – Ну и ничего страшного. Когда 'появитесь – тогда и отдадите. Я напомню. Вечером вы бы меня крупной купюрой не смутили. А сейчас только пять рублей мелочью на размен.

С бутылками в руках Давыдов вышел из магазина и увидел, что его «волга» уже стоит у подъезда. Завидев шефа, Толик выскочил из машины и бросился к нему:

– Извините, Николай Васильевич! Я сильно вас задержал? Наверное, часы подвели – думал, еще двадцать пять минут девятого. Хороший водитель, конечно, должен заранее приезжать...

– Не беспокойтесь, Анатолий, – успокоил шофера Давыдов. – Часы я потерял, вышел наугад. Оказалось – раньше времени. Вашей вины здесь нет.

Толик хмыкнул:

– Обычно вы выходите позже – вот я и расслабился.

– Пора начинать новую жизнь. Везде успевать. Постараюсь быть пунктуальнее, – ответил Николай.

Проспект Стачки был забит машинами. Толик с боковой дороги резко вклинился в небольшой промежуток между движущимися автомобилями, за несколько секунд разогнался до сорока километров в час, потом до шестидесяти. Прямо к ИТЭФу не поехали: добрались до

перекрестка со светофором, повернули на улицу Зорге, и уже оттуда вырулили в институтский двор.

Остановились на четвертом стояночном месте. Толик опять собрался открыть перед Николаем дверцу, но тот опередил водителя.

– Не нужно мне помогать. Я не дама.

– Инструкцией предписано, – удивленно ответил водитель. – На случай нештатной ситуации.

– Нарушим, – усмехнулся Николай.

– Никаких распоряжений не будет? Давыдов задумался:

– А ты хочешь куда-то отъехать? До обеда, наверное, могу тебя отпустить.

– Как можно, в рабочее время! Просто подумал – телефон вы, наверное, испортили?

– Потерял, – ответил Николай, быстро сообразив, что водитель имеет в виду мобильный телефон.

– Давайте я съезжу, новый куплю. Без связи нынче нельзя... Да и мне удобнее – в машине днями не сидеть. Позвоните, когда нужно будет, я тотчас и появлюсь.

– Верно. Только у меня денег не очень много... – Давыдов достал из кармана две бумажки – пятьдесят и двадцать пять рублей.

– Ну, на простую-то модель хватит, – заметил Толик. – Только зачем вам за свои деньги телефон покупать? Я чек в салоне возьму, бухгалтерия оплатит. А телефон куплю, как вы любите – с подключением к Интернету, со всеми функциями...

– Хорошо, – кивнул Николай, – Действуй.

И отправился наверх, к своему кабинету. Здание Института физики Николаю было известно – по прошлой жизни, когда он работал здесь на треть ставки младшего научного сотрудника. В коридорах ИТЭФа он ориентировался отлично – не то что в своей новой квартире.

Не успел Давыдов войти в чисто убранный кабинет, отперев его своим ключом, как на столе зазвонил телефон.

– Николай? Это Савченко. Пресс-конференция назначена на двенадцать дня. Готов?

– Но я ведь ничего не знаю, – попытался возразить Николай. – Мне даже ночью эта пресс-конференция снилась – в кошмарах. Может быть, лучше перенести ее на недельку? Я совершенно не успел ознакомиться с делами...

Лев Алексеевич фыркнул в трубку, как морж.

– Ты что, считаешь, что кто-то будет тебя спрашивать об исследованиях? Широкая публика их не понимает, к тому же наши исследования – военная тайна. Так всем и говори, если не знаешь, что сказать.

– О чем же они будут спрашивать?

– Поговоришь с пресс-секретарем – он объяснит. Я так полагаю, дело будет касаться политики. Но ты от политики в расхожем смысле этого слова далек, заботишься только о благе Родины и своих избирателей. И намереваешься сделать все, чтобы защитить интересы наших людей. Так всем и отвечай.

– Да, действительно, я ведь депутат, – вздохнул Николай. – Точнее, ваш Давыдов был депутатом.

– Ты. Ты и есть депутат, – резко заявил Савченко. – И не думай больше ни о чем. А если что-то забыл, так и скажи – не помню после аварии. Врачи объяснили, что для полного восстановления памяти понадобится несколько недель. Полагаю, что через месяц ты здесь так освоишься-будешь чувствовать себя лучше, чем дома.

– Совсем ни о чем не думать не могу, – воспользовался случаем Николай. Работа с нищенской зарплатой научила его быть практичным. – Мне деньги нужны. Можно мне как-нибудь

выяснить, есть ли у меня счет? А еще лучше – получить какой-то аванс. Я понимаю, это не совсем удобно, но положение мое нормальным никак не назовешь.

– Финансовые вопросы – вообще не проблема, – небрежно бросил Савченко. – Зайдешь в бухгалтерию в любое время, получишь материальную помощь в размере двух окладов. Я сейчас позвоню, через полчаса деньги будут. А потом еще заработаешь... Нам здесь платят неплохо. И сбережения у тебя наверняка есть. Зинаида тебе подскажет, к кому обратиться.

– Спасибо, – поблагодарил Николай. Он уже знал, что Зина – секретарь Савченко.

– Ну, бывай! Володя к тебе уже пошел.

Давыдов догадался, что Володя, скорее всего, пресс-секретарь, и решил не волноваться заранее, а дождаться его прихода.

– Владимир Иванович, – заявил с порога сорокалетний мужчина в строгом костюме и с аккуратной прической. – Пресс-секретарь ИТЭФа.

– Рад познакомиться, – кивнул Николай. – Давыдов.

– Мы с вами давно знакомы, – ответил Владимир Иванович, проходя через кабинет и садясь в «гостевое» кресло. – Савченко ввел меня в курс дела – вы не прежний Давыдов, а в некотором смысле дублер. Постарайтесь меньше касаться вопросов знакомств, встреч, знаний. Меньше конкретики – и все пойдет как по маслу. Были бы вы политиком, я бы не стал вас этому учить. А для математика без конкретики вести разговор тяжело. Но постарайтесь.

Николай отметил, что пресс-секретарь, несомненно, профессионал. Четкое изложение мыслей, хорошее знание дела. Да и формулировки... Оборот «прежний Давыдов» Николай решил взять на вооружение.

– О чем меня будут спрашивать? И что я должен отвечать?

– Прежде всего, вопросы будут касаться аварии. Советую не отвечать на них вообще. Вы ничего не помните. Это наиболее выигрышный и ни к чему не обязывающий вариант. Поскольку я буду на конференции рядом с вами, то дам интересующимся соответствующие показания. Впрочем, можете вспомнить пару деталей. Оживить. Но выдумать их придется самому и сейчас. На место трагедии повезти вас не имеем возможности. Посмотрите вот фотографии. Пресс-секретарь протянул Давыдову несколько цветных глянцевых снимков. Знакомый ему в родном мире крутой спуск с горы на трассе М4 Москва-Ростов. Мост через речку. Заросли камышей вдоль воды. След промчавшегося на огромной скорости автомобиля, поломанного камыши. И сама машина – уже извлеченная из воды, с разбитым капотом, вылетевшими стеклами. Красная «нива», государственный номер А 059 АР. Хорошо, что удержались на месте колеса.

– Речка-то маленькая, – отметил Николай.

– Ну и что? – не понял пресс-секретарь.

– Так...

Объяснять, что не совсем ясно, как такая речушка могла унести тело «прежнего Давыдова», Николай не стал. Зачем заострять внимание на грустном? Впрочем, через несколько километров речушка впадала в Дон. А уж найти что-то в Дону гораздо труднее – река полноводная, особенно весной.

– Вопросы будут касаться войны, – продолжал объяснять пресс-секретарь. – Наверняка. И вы должны отметить, что безопасность нашей Родины требует присутствия значительного контингента сил на границе с Монголией. И разработок новейших, самых современных систем оружия. Собственно, именно этим и занимается институт.

– Ясно, – кивнул Николай. – Неясно только, зачем нам воевать с Монголией.

– Не воевать, а восстанавливать утраченное влияние, – ответил Владимир Иванович. – Впрочем, вы ведь и не будете говорить, что требуете ввода войск в Монголию. Это недипломатично. Но комиссию по вопросам обороны создать необходимо? Готовыми к войне быть

нужно? Особенно когда Китай намеревается ввести в Монгольскую Республику войска с юга. Мы будем противодействовать этому любыми средствами, в том числе и силой оружия. Даже если сама Монголия захочет присутствия китайских или американских войск. Правящую верхушку там сейчас легко купить. Она мечется, не зная, какую позицию занять.

– Чем же им плохо жилось в союзе с нами? – спросил Николай, вспоминая годы советско-монгольской дружбы.

– Вот и я о том же, – не отвечая на вопрос, встал с кресла Владимир Иванович. – Черная неблагодарность. Но речь не о том. Не беспокойтесь относительно пресс-конференции. Повторяю, я буду рядом, и удар в случае чего от вас отведу. Будьте самим собой. Шутите. Задавайте вопросы журналистам сами. Вам главное – показаться. Все остальное не имеет значения.

Не успел пресс-секретарь покинуть кабинет Давыдова, как к нему вошел двухметровый сутулящийся Илья Гетманов. Теперь Николай был твердо уверен: да, этого парня он встречал во время учебы в университете. Возможно, они даже учились на параллельных курсах. Правда, в общественной жизни Илья участвовал не очень активно – как, впрочем, и Николай. Поэтому они не входили в число тех, кого знает весь курс или даже весь факультет. Впрочем, может быть, в этом мире все было по-другому. У себя дома Николай мог только мечтать стать депутатом. Здесь он им был.

– Пойдем кофе выпьем? – предложил Николай. – У меня, кажется, есть банка отличного сублимированного кофе.

– Сублимированный – это ненастоящий? – уточнил Гетманов.

– Нет. Эта когда его методом заморозки получают. И на вкус он почти как свежесваренный натуральный. Мне кажется, так.

– Тогда давай, – кивнул Илья. – Мне тут идея одна в голову пришла. Обсудим, пока кофеенничать будем...

Илья сел на стул в комнате отдыха, вцепившись в него руками и сгорбившись, пока Давыдов наливал в электрический чайник воду из графина и осматривал запасы продовольствия, начал излагать свою теорию, поставившую Николая в тупик. Николай слушал и не мог связать воедино ни одной идеи. Ни одной! Просто наукообразный бред какой-то!

Нельзя сказать, что такое положение вещей подняло математику настроения. Николай надеялся, что быстро вольтется в местную научную жизнь. Станет активно работать. Но вот так, не понимая вообще ничего, работать нельзя!

А Илью будто прорвало: он оперировал аппаратом векторного и тензорного исчисления, упоминал формулы с дивергенциями и роторами, тройными интегралами и бесконечными рядами. При этом говорил с такой непринужденностью, что, казалось, повторяет таблицу умножения.

– Ты знаешь, я после аварии еще соображаю плохо, – признался Николай. – Давай лучше спустимся на землю. Как работается? Что нового было в последние несколько дней? Я от жизни отстал...

– Физика – она и есть жизнь. Нет другой жизни, – охотно отозвался Гетманов и невозмутимо продолжил рассказ о тензорах, сам с собой обсуждая, могут ли бесконечно малые величины второго порядка оказать влияние на процессы, происходящие при переброске объекта из мира в мир, или эти бесконечно малые необходимо все-таки статистически учитывать. Как можно учитывать бесконечно малые, которыми всегда пренебрегают по сравнению с другими, Давыдов не понимал. И, откровенно говоря, понять не пытался – под шум закипавшего чайника, казалось, у него закипали мозги.

Настроение было хуже некуда.

– Ты кофе будешь или чай? – спросил Николай у Ильи. – У меня и чай есть. В пакетиках, правда. Жуткая гадость. Я даже когда студентом был, в пакетиках не пил. Лучше просто ложку чая в чашке заварить.

– Я буду то же, что и ты, – отозвался физик.

– Ну, я – кофе. Мне взбодриться не мешает.

– Тогда и я кофе, – с готовностью согласился Гетманов.

– Сколько ложечек положить?

– Столько же, сколько и себе, – отвлекшись от своих теорий, ответил Илья.

– Отлично, – кивнул Николай, насыпая по ложке кофе себе и гостю. – С сахаром, без?

– С сахаром, – улыбнулся Илья.

– Сколько ложек?

– Сколько и себе, – словно заведенный, повторил Гетманов.

Но на этот раз он просчитался.

– А я теперь пью кофе без сахара, – заявил Давыдов с некоторым внутренним торжеством.

Пусть примет решение сам! – Так сколько тебе ложек?

Столь невинный вопрос поверг физика в смущение. Впервые за несколько минут он замолчал. Выдержал паузу и признался:

– Я не знаю.

Истолковавший его смущение по-своему, вспомнивший студенческие времена Давыдов подбодрил коллегу:

– Да ты не стесняйся. Сахара тут – целый килограмм. Хочешь, я тебе и пять ложек положу. Сколько все-таки?

– Не знаю, – повторил Гетманов.

– Ты сам-то сколько ложек кладешь? – уже раздражаясь, поинтересовался Николай.

На ум ему пришел некий не слишком щедрый человек, ни разу в жизни не пивший кофе так, как нравится. Дома он клал одну ложку сахара, в гостях – три. А нравился ему кофе, в который положили две ложечки сахара.

Но так было в анекдоте, а в жизни развязка оказалась другой.

– Я сам никогда кофе не делаю. Мне готовит мама или сестра, – потупив глаза, признался Илья.

Давыдов опешил и бросил в чашку физика две ложки сахара. Чудны дела земные! Человек, отлично знающий высшую математику и много чего еще, имеющий ученую степень, не знает, как приготовить себе кофе...

В разгар импровизированного завтрака к Давыдову заглянул Дорошев.

– Мне кофейку не нальете?

– Отчего же нет? Угощайся, – предложил Николай. – Сахару знаешь сколько класть нужно?

– Лимиты введены?

– Да нет, это я о рецептах. Мы тут с Ильей поспорили... Гетманов покраснел, а Андрей хмыкнул:

– Дай я сам положу. Знаю я вас, экономных хозяев. Сейчас талоны на сахар отменили... Ну и все равно экономить на сахаре надо. И употреблять его преимущественно в гостях и на работе. Потому что это ценный энергетический продукт, полезный для работы мозга...

Посмеиваясь, Дорошев налил себе кофе, взял с блюда печенье. Илья продолжил свои разглагольствования на научные темы.

– Ты его понимаешь? – спросил вдруг Дорошев без предисловий, обращаясь исключительно к Давыдову, словно бы Гетманова рядом и не было.

Николай на мгновение задумался, но решил, что запыряться не имеет смысла.

– Не понимаю. Андрей расхохотался:

– И я не понимаю. По-моему, его, кроме Савченко, вообще никто не понимает. А он перекраивает весь его бред на свой лад. Илюша для Льва Алексеевича вроде генератора идей. Нет, не скажу, конечно, что он полный бред несет. Бред его, может, даже с оттенками гениальности. Но осуществить какой-то проект, опираясь лишь на теории Гетманова, – нереально. Мы даже чайник не смогли по придуманной им схеме сконструировать. Он не грел воду. Замораживал.

– Врешь, – обиженно надулся Илья. – Ничего он не замораживал.

– Нет, не вру. Если и не замораживал, то охлаждал. Благодаря полупроводниковым эффектам.

– Это вы сочинили, – заикаясь, возмущился физик. – Бурдинов сочинил. Сами конструировать не умеете, а претензии ко мне.

– Ну да... Ты же у нас жрец чистой науки...

Илья улыбнулся. Определение ему явно понравилось.

– Но грузит он нас регулярно, – продолжил Андрей. – Помолчал бы ты лучше, Илья!

– С вами и разговаривать бесполезно, – тоном обиженного ребенка заявил Гетманов. – Что с вас взять? Экспериментаторы...

– Угу, – фыркнул Дорошев. – Теоретик.

На этом обмен колкостями, которые и колкостями в привычном смысле назвать было нельзя, затих.

У Давыдова отлегло от сердца. Стало быть, взгляд Ильи на мир очень специфичен. И Давыдову вовсе не требовалось понимать все логические построения Гетманова. Пусть тот занимается физикой, строит свои теории. А сам Николай займется математическими проблемами. Это у него должно получиться. Математика везде математика. Ее законы едины для любого уголка Вселенной, для любого мира. Собственно, математика ведь не описывает природные явления. Это чистая оцифрованная логика.

Если физические законы будут другими – достаточно изменить аксиомы, ввести новые постулаты, как сделал это Лобачевский для своей геометрии, и мы получим новые теории – не хуже и не лучше других. Которые, скорее всего, будут так же далеки от истинного положения дел в мире, как и любое наше представление о нем.

До пресс-конференции оставалось совсем немного времени. Однако ни пресс-секретарь, ни психолог и не собирались работать с Николаем дополнительно. Надеялись, что он справится с ситуацией? Или были какие-то другие, более глубокие причины?

Не мешало бы конкретно выяснить, что все-таки думает по поводу предстоящего выступления перед журналистами Лев Алексеевич. Поэтому Давыдов решил зайти к директору института. Звонить по телефону ему не хотелось. Что толку в разговорах – нужно видеть собеседника, читать его эмоции.

В коридоре Николай едва не столкнулся с молоденькой девушкой в обтягивающих красных джинсах, показавшейся ему очень милой. Темные волосы, большие глаза с разрезом, характерным скорее для представительниц монголоидной расы, нежная розовая кожа. Девушка взглянула на Николая пристально, очень внимательно. Словно бы даже с вопросом.

Давыдов мимоходом улыбнулся незнакомке и собрался идти дальше, когда она окликнула его:

– Даже не поздороваяешься?

– Здравствуйте, – склонился в полупоклоне Давыдов.

Опять... Она его знает! А он? Кто это? Сотрудница, студентка-практикантка, хорошая знакомая? Последнее более вероятно. Не будет же студентка говорить ему «ты». Впрочем, смотря какая студентка...

Идиотская ситуация. Девушка ему очень понравилась. Не в пример «подруге» Вике. Он совсем не прочь был познакомиться с ней поближе. Но кто она такая? Может быть, жена его друга? Или девушка, с которой он, то есть прежний Давыдов, встречался, а потом расстался? Да мало ли вариантов...

– Счастливо выступить, – немного грустно улыбнулась девушка, повернувшись, чтобы уходить.

– Подождите, – неожиданно для себя воскликнул Давыдов. – Извините, пожалуйста, но я вас совсем не помню... Девушка посмотрела на него в крайнем изумлении.

– Ты что, Давыдов, совсем не в себе?

– Нет. Я вообще очень плохо помню все после аварии. И до нее тоже. Отрывочно. Мы были знакомы?

– Ты шутишь? Или это очередная игра? Что можно теперь изменить, Николай? Ты все сказал, когда мы с тобой выясняли отношения...

– Я не помню, как тебя зовут. – Давыдову показалось, что он теряет что-то невыразимо нежное и прекрасное. Не эту девушку, нет. Чувство. И это чувство ускользало от него.

– Зовут меня Даша, – с некоторым вызовом заявила девушка. – Дарья Петровна. Вспомнил?

– Не вспомнил, – не принял вызова Николай. – Может быть, нам стоит поговорить?

– Вряд ли это имеет смысл, – пожала плечиками Даша. – Говорили уже...

– Давай съездим куда-нибудь, пообедаем... Дарья неожиданно расхохоталась:

– Ты, наверное, и правда ничего не помнишь, Давыдов?

– Именно это я и пытаюсь тебе объяснить.

– Пообедаем... – задумчиво протянула Даша. – Отчего бы и не пообедать? История повторяется. Первый раз – как трагедия, второй – как фарс. Зайдешь ко мне? Или позвонишь? Ты ведь большой начальник.

– Куда?

– В сто двадцать третью комнату, – ответила девушка, уходя.

Николай невольно засмотрелся ей вслед. Так красиво она шла, гордо вскинув голову.

А в коридоре появился вездесущий Дорошев.

– Кто она? – спросил Николай. – Что связывало ее и прежнего Давыдова?

Дорошев неопределенно хмыкнул:

– Дарья? Работает в нашей библиотеке, заочно учится на филолога. А что касается Давыдова... Она ему очень нравилась. Он даже пытался закрутить с ней роман. Ну, не совсем роман, это было бы чересчур для Николая – романтические отношения. Но их вовремя отследила Вика, устроила страшный скандал в столовой института, когда парочка сидела вместе за столиком и любовалась друг другом... Некрасивая в общем-то история. Девчонку чуть не уволили – как будто бы она виновата. Точнее, она сама хотела уволиться, а ты, то есть не ты, конечно, а Давыдов не здорово этому и препятствовал. Потом, правда, устаканилось. Да только Николай ее обходил после этого случая десятой дорогой. А она его, возможно, и любила... Хотя история, еще раз скажу, темная. Да мне эти перипетии и не очень нужны были. Кто же знал, что тебе объяснять придется?

Дорошев опять загадочно улыбнулся и пошел по своим делам.

Размышляя о том, как странно получить в наследство от того, чье место он теперь занимает в этом мире, не только научные труды, должности, деньги и имущество, но и весьма запутанный клубок личных проблем, Давыдов двинулся прямо в конференц-зал. Он не хотел уже беседовать с директором. Пусть пресс-конференция пройдет так, как пройдет.

В небольшом зале на пятьдесят мест все уже было готово к проведению пресс-конференции. Психолог Семен Кручинин вертелся среди журналистов. Пресс-секретарь ИТЭФа Влади-

мир Иванович ставил на стол в президиуме бутылки с минеральной водой. Операторы расчехляли аппаратуру, устанавливали штативы, закрепляли осветительные приборы.

Увидев Давыдова, Владимир Иванович всплеснул руками и поспешил ему навстречу.

– Почему вы пришли раньше? – грозным шепотом спросил он.

– А когда нужно было?

– Только когда все соберутся... Я бы сам вас привел.

– Да что я, дороги не знаю?

– Не стоит беспокоиться, господин Якушкин, – широко улыбаясь, обратился к пресс-секретарю психолог. – Удивлять журналистов время от времени не мешает. Они тоже люди. А сегодня у нас как раз такая пресс-конференция – удивительная...

Несмотря на доброжелательный тон психолога, Давыдов неожиданно осознал, что его, скорее всего, хотят использовать. Возможно, даже выставить дураком. Зачем? Доказать недееспособность? Но какой в этом смысл? К чему тогда вообще было выуживать его сюда, на смену погибшему Николаю?

– Мне подождать здесь? – кротко спросил он. А сам подумал, что на пресс-конференции таким скромником не будет...

– Накинутся с вопросами раньше времени, – поморщился Владимир Иванович, – не отвяжетесь. Давайте я провожу вас в лаборантскую. Там вас никто не побеспокоит.

Малый актовый зал ИТЭФа предназначался вовсе не для пресс-конференций, а для защиты диссертаций, семинаров с небольшим числом участников и, соответственно, был оснащен разнообразной аппаратурой: проекторами, магнитофонами, раздвижными экранами и прочей техникой и наглядными пособиями. Все это хранилось в лаборантской.

Минут десять Давыдов провел в вынужденном одиночестве, разглядывая стоящую на полках аппаратуру, а затем пресс-секретарь пригласил его в зал. За это время здесь собралось порядочно народа. Десяток видеокамер перед трибуной, еще больше микрофонов на трибуне, человек сорок журналистов в зале. Николаю, похоже, отвели место на трибуне, рядом с длинным столом, предназначенным обычно для президиума.

Семен подмигнул Давыдову из зала. Пресс-секретарь проводил его до самой трибуны. Сам встал неподалеку – то ли чтобы не попадать в поле зрения объективов, то ли, напротив, чтобы операторы могли снять и его.

– Задавайте вопросы! – предложил он журналистам. – Иван Храпов, Первый канал, пожалуйста!

Совсем молодой юноша вскинул руку, очевидно, для того, чтобы Давыдов его увидел, и спросил:

– Как вы считаете, Николай Васильевич, была ли авария, в которую вы попали, случайной? В бульварной прессе ходит немало кривотолков по этому поводу!

Николай подумал, что не мешало бы и ему ознакомиться с бульварной прессой. Да кто знал, что она здесь существует! И где можно купить газеты? А какие из них пишут раскованно, но достаточно правдиво? Читать сказки о самом себе увлекательно, но вряд ли полезно, если ты хочешь на самом деле что-то узнать...

– Полагаю, полную информацию нам в свое время дадут компетентные органы, – объявил Николай. – Мне, как вы понимаете, тоже любопытно узнать о причинах аварии подробнее. К сожалению, я не слишком хорошо помню произошедшее...

– Может ли эта авария являться происками вражеских спецслужб? – уточнил молодой журналист.

– Не знаю, – пожал плечами Давыдов. – Я математик, а не разведчик. Каких-то важных деталей я, к сожалению, припомнить не могу. С таким вопросом правильнее было бы обратиться к следователям.

– Дело расследуется? – уточнил Храпов. Давыдов замялся:

– Ну я, откровенно говоря, не знаю... Если нужно, будет расследоваться. Этот вопрос не в моей компетенции.

– Вы находились за рулем в состоянии опьянения? – громко закричал бородатый мужчина – не иначе представитель той самой бульварной прессы.

– Попросил бы всех соблюдать порядок, – жестко заявил Владимир Иванович. – Нарушители будут выдворяться из зала.

Два молодца в камуфляже – охранники института – сделали стойку, но пресс-секретарь не дал им команды, и они остались на месте.

– Конечно же я не сажусь за руль, если выпью, даже немного, – с честной миной ответил наглецу Давыдов. – Алкоголь и дорога несовместимы.

Собственно, у него не было своей машины, и он давно уже не садился за руль ни в каком виде – ни пьяный, ни трезвый. Научился водить машину в школе ДОСААФ, отъездил положенные часы и потом водил автомобиль крайне редко, по случаю. А относительно той аварии, в которой пострадал «прежний Давыдов»... Пусть он был хоть в стельку пьян – не пойман, не вор.

– Ирина Данилова, Второй канал, – пригласил пресс-секретарь.

– Господин Давыдов, вы ехали один, без водителя и телохранителя, – издали начала женщина с волевым лицом. На вид ей можно было дать лет сорок пять. – Правда ли, что вы направлялись на встречу с известным предпринимателем и депутатом Борисом Слуцким, человеком, которого молва связывает с криминальными кругами? Его «ферма», а точнее загородная вилла, расположена неподалеку. Намеревались ли вы обсудить с ним позицию депутатских фракций на предстоящем заседании Думского Собрания по ситуации в Монголии? Кстати, какова ваша позиция?

Ну и вопрос! Может быть, он вообще не знаком с этим Борисом Слуцким. Или, напротив, депутат-мафиози – один из его лучших друзей? А какая позиция может быть у Давыдова по монгольскому вопросу, если вокруг него сплошные недомолвки? Повторять милитаристские бредни пресс-секретаря Николай не хотел... И он решил импровизировать:

– Я ехал не к господину Слуцкому, а в свой родной город. Захотелось встретиться с людьми, старыми товарищами, пообщаться в свободное от работы время, спросить их мнение насчет Монголии, о том, что нужно делать нам – законодателям... Волнует ли их вообще тема событий в далекой от нашей области стране. Депутат не должен забывать об интересах своих избирателей. А в чем заключается интерес наших земляков в упомянутом регионе? Признаюсь честно, сам я не вполне разобрался. Много думаю над этим. Полагаю, предстоящие слушания должны прояснить ситуацию...

Закончив довольно пространное и путаное выступление, Николай отметил кислую мину психолога и озадаченное лицо пресс-секретаря. Они явно не ожидали такого ответа. Ну и ладно. Если хотите каких-то определенных результатов, будьте честнее сами. И проводите репетиции, а не пускайте дело на самотек. За двадцать минут подготовить человека к пресс-конференции на совершенно незнакомую ему тему не удалось, наверное, никому.

– «Радио-один», – объявил пресс-секретарь, запамятавав, очевидно, фамилию журналиста, представлявшего радиостанцию.

– Вы последовательно защищали позицию, согласно которой необходимо вводить в Монголию войска, – заметил журналист. – А сейчас говорите, что много думаете по этому поводу. Значит ли это, что ваше мнение изменилось?

– Мир лучше войны. Если войны можно избежать, – заявил Николай.

По залу прокатился ропот. Журналисты принялись тянуть руки и выкрикивать вопросы, не дожидаясь представления пресс-секретаря.

– Стало быть, вы не поддерживаете позицию правительства?

– Не буду комментировать этот вопрос, – ответил Давыдов.

Как он мог что-то комментировать, если точка зрения правительства была ему совершенно не ясна?

Ропот усилился.

– Возможно ли, что вы выйдете из центристского блока?

– Почему вы сделали такие выводы? – поинтересовался Николай, уже понимая, что позиция «нет войне» – не то, чего ждали от него журналисты. Конечно, пресс-секретарь намекал, что нужно поддерживать политику «ястребов». Да только не лежала у него к этому душа...

– Потому что после ваших нынешних заявлений вас могут просто-напросто исключить из блока, который выступает за срочные и решительные действия.

– Не думаю, что в нашем обществе преследуют за искренне высказанное мнение, – ответил Николай, входя во вкус дебатов и уже предвкушая схватку с коллегами-депутатами. – Я ведь пока не голосую, не накладываю вето, не агитирую. Только размышляю. Потому что знаю, к чему приводят вооруженные конфликты.

Пожалуй, последняя фраза могла показаться слишком самонадеянной не только для прежнего Давыдова, не нюхавшего пороха и не отлучавшегося из мегаполисов государства, которое войны обошли стороной, но и для Давыдова настоящего. Он ведь тоже не служил в армии, не воевал и видел войну, захват заложников, взрывы зданий и прочие ужасы только по телевизору. Правда, видел в подробностях. А еще те ребята, знакомые по школьной скамье, что вернулись с чеченской войны раненые, контуженные, с надломленной психикой... Наверное, это немало. По сравнению с жизнью в сытой стране, граждане которой только и делают, что ищут развлечений. А в том, что страна – сытая, Давыдов уже мог убедиться.

– Ходят слухи, что ИТЭФ разрабатывает оружие, способное переломить расстановку сил в современном мире, – начал какой-то журналист.

– Без комментариев! – вмешался пресс-секретарь. – Никаких вопросов о деятельности института, или пресс-конференция будет окончена. Мы проводим беседу с депутатом Думского Собрания, а не с ученым.

– После аварии у вас все в порядке со здоровьем? – ухватился за новую тему бородатый из бульварного листка. – Нам стало известно, что вы порвали со своей девушкой. Вам отвратительны женщины?

Давыдов поморщился:

– Что за глупости вы говорите? Да и вообще, я не намерен обсуждать с трибуны свою личную жизнь.

Бородатый буквально засветился от счастья. Еще бы: такой ответ – великолепная возможность для полета фантазии «желтого» журналиста! Этого материала могло хватить ему на три заметки.

– Выведите! – кивнул на бородатого пресс-секретарь.

Охранники потащили репортера к выходу, не слишком с ним церемонясь, но было видно, что тот находится на вершине блаженства. Не каждый день тебе уделяют столько внимания! Даже некоторые операторы телекомпаний повернули свои камеры в его сторону: какая реклама репортеру и его таблоиду!

Еще несколько вопросов ни о чем, и журналисты начали терять к Давыдову интерес. Да и пресс-секретарь объявил, что время вышло. Послушные работники средств массовой информации принялись собирать аппаратуру. Собственно, они услышали то, что хотели услышать. Сняли картинку с Давыдовым, шевелящим губами на трибуне. Остальное – дело техники, работа для аналитиков и операторов.

Настроение у Давыдова было приподнятым. Несмотря на то что он явно не оправдал надежд своих партнеров, он остался доволен собой. Журналистов озадачил, карты не раскрыл. Пути для отступления, если понадобится, имелись.

Половина второго. Обеденный перерыв уже закончился. Но поесть, несомненно, нужно. Тем более он пригласил пообедать вместе с ним Дашу Белову. Интересно, она может уйти с работы на час-полтора? В том, что это позволено ему, Давыдов практически не сомневался. Да если и нет – он работал в перерыв, вполне может рассчитывать на передышку.

Давыдов зашел в приемную директора. У секретарши Зиночки он выяснил, что режим дня всех завлабов свободный. Но никто из них, как правило, не покидает институт раньше семи вечера, хотя некоторые все же ездят обедать домой или в город.

Получив нужную информацию, Николай повеселел. Он осведомился, может ли отпроситься с работы какой-нибудь сотрудник ИТЭФа? Зиночка ответила, что Лев Алексеевич, а также Давыдов и некоторые еще могут задействовать любого работника, если не возражает его непосредственный руководитель. Это понравилось Николаю еще больше.

На выходе из бухгалтерии, где Давыдов получил девятьсот рублей – двухмесячный оклад, положенный заведующему лабораторией, его нашел Толик и отдал мобильный телефон неизвестной Давыдову марки «Корвет». Пожалуй, телефон был отечественного производства, а не сделан специально для России. В пользу этого говорила одна западающая кнопка, а именно единичка. Впрочем, западала она не сильно и не всегда – нужно было всего лишь приноровиться ее нажимать. В остальном телефон был удобным, функциональным и даже красивым.

– Сейчас поедем в город, – объявил водителю Давыдов. – Будь на месте.

Толик кивнул и направился к машине, а Николай пошел в сто двадцать третью комнату. К Даше. Было ему немного не по себе.

Дарья с двумя другими девушками сидела за длинной конторкой в глубине библиотеки. Увидев Давыдова, она, казалось, растерялась. Потом вздернула подбородок и тихо сказала:

– Я тебя ждала, но потом поняла, что ты пошутил. А сейчас зачем пришел?

– Мы ведь собирались вместе пообедать. Извини, что не предупредил о задержке. Пресс-конференция затянулась.

Девушки, работавшие с Дашей, посмотрели на Давыдова неодобрительно.

– Съели уже все в столовой, – заметила Даша. – Да и перекусили мы. Спасибо.

– Поедем, а? – попросил Николай.

– Ладно, поедем! – с вызовом отозвалась Даша. – Подежурите без меня, девчонки?

– Не беспокойся, – прогудела рыжая толстушка. – Никто и не заметит.

– Не бойшься? – вновь обратилась Даша к Давыдову.

– Не боюсь, – улыбнулся тот. – Мне-то чего бояться?

– Действительно, – тихо сказала девушка.

– И куда мы отправимся? – спросила Даша, усевшись вместе с Николаем на заднем сиденье. – И, главное, зачем? Я думала, ты просто хочешь поговорить.

Толик молча крутил руль, лавируя в густом потоке машин.

– Поговорить я хочу, – ответил Давыдов. – Но не просто, а очень даже серьезно. Куда мы направляемся... Выбери ты. Я не слишком хорошо знаю, где сейчас можно хорошо посидеть.

– Вот как?

– Именно так.

Машина быстро миновала проспект Стачки, вылетела на мост через железную дорогу и начала кружить по переулкам, пробираясь на Большую Садовую.

– А давай сходим в китайский ресторан, – предложила вдруг Даша. – Я ни разу там не была. Правда, Люда говорила, что очень дорого. Чуть ли не по десять рублей с человека, если скромно заказывать. Но я и есть-то не хочу. Только посмотреть...

– Знаешь, где это? – спросил Николай водителя.

– «Хуанхэ»? Как не знать. Через пять минут будем там.

Николай подумал, что и самому ему хочется сходить в китайский ресторан. Может быть, прежний Давыдов и бывал здесь – да и не только здесь. Приемы, фуршеты, банкеты... Но учителей на подобные мероприятия приглашают не слишком часто. А ходить по ресторанам на свои просто не хватало денег.

Китайский ресторан располагался в оживленном месте. Что было в этом здании в его бытность студентом, Давыдов не помнил. Вроде какой-то магазин.

Огромные окна ресторана украшали причудливые иероглифы, швейцар-китаец в национальной одежде, с косичкой приветливо улыбался посетителям. Перед Дарьей и Николаем он не только открыл дверь, но и проводил их в зал, где гостей встретила девушка-китаянка. И откуда здесь столько китайцев? Впрочем, может быть, за китайцев выдавали себя корейцы или вьетнамцы?

Девушка-распорядитель предложила посетителям выбрать столик. Зал оказался практически пуст. Только за столиком неподалеку от входа сидел мужчина лет пятидесяти и задумчиво что-то жевал.

Даша выбрала столик подальше, в темном углу, и села лицом к двери. Николай занял место по левую руку от нее.

Не успели молодые люди расположиться, как к ним поспешно мелкими шажками подошел китаец с полотенцами.

– Вытирайте руки, пожалуйста, – с легким акцентом, сюсюкая, предложил он.

Николай взял мокрое горячее полотенце и тщательно протер руки – они действительно были грязными.

Даша, протирая изящные пальчики, рассмеялась:

– Как дети!

– Обычай, – заменяя «ч» на «ц», прокомментировал китаец и уточнил: – Традиция.

Слово «традиция» прозвучало у него на удивление чисто.

Церемония продолжалась. Очередной китаец принес завернутый в полотенце стеклянный графинчик.

– Саке, – объявил он.

– А разве саке – не японская водка? – поинтересовался Николай.

Китаец только широко улыбнулся и разлил напиток в две маленькие фаянсовые рюмочки. А Давыдов не стал привередничать.

Жидкость обжигала горло и отлично согревала. В прохладном зале это оказалось кстати.

Тем временем та же девушка, что встретила их, а может быть, и другая, принесла меню. Названия мало что говорили неискушенному человеку. Даша заявила, что вообще не собирается ничего есть. Поэтому Николай взял инициативу на себя.

– Я вот слышал, утка по-пекински – это очень вкусно...

– Да, – улыбнулась китаянка. – Очень вкусно. И очень дорого. Такое блюдо съит почти тысячу рублей. Поэтому в обычный ассортимент оно не входит. Но если вы непременно желаете отведать утку по-пекински, мы примем заказ и приготовим ее для вас. Не сейчас – через неделю или через две. Придется вызывать специального повара.

– Пожалуй, не стоит. – пошел на попятный Давыдов. – Нам бы чего-нибудь сейчас.

– Предлагаю утку по-шанхайски. Тоже очень вкусно и не слишком дорого – двадцать три рубля.

– Замечательно, – кивнул Давыдов. Даша под столом дернула Николая за полу пиджака и прошептала:

– Ты что! Очень дорого! Николай пожал плечами:

– Один раз живем. Тебе не хочется попробовать? Девушка замялась, и Давыдов расценил ее минутное молчание как согласие.

– Ну и закусок всяких, – продолжил он. – Что там у вас положено? Овощей, мяса...

– Грибов, – подсказала – китаянка.

– Да, конечно.

– Змею не хотите?

– Не нужно! – изменилась в лице Даша.

– Вот и правильно. Сразу видно знатока. Змеи сейчас не очень вкусные. Жилистые. Не сезон, – объяснила китаянка. – А осенью обязательно приходите и закажите степную гадюку. Просто тает во рту!

– Если доживем, – пообещал Давыдов. Официанты разбежались по своим делам, а Даша смеющимися глазами рассматривала Николая.

– Ты на себя не похож.

Давыдов немного помедлил и тихо сказал:

– Понимаешь, Дашенька, я – это не я. Не тот Давыдов, которого ты знала. Тот умер. Погиб в аварии.

– Красиво излагаешь, – улыбнулась Даша. – Литературно. Не думала, что ты так можешь. Мне казалось, у тебя одни формулы на уме.

– Я тоже не знал, что ты – специалистка по змеям.

– Какая я специалистка? Просто змей боюсь. В любой сезон. Без разницы, жилистые они или нет. Николай улыбался.

– Нет, я правду говорю! А то еще подумаешь, что я змеедка какая-то!

– И я тоже говорю правду, – попытался объяснить Николай. – Я – другой человек.

– Ты хочешь сказать, что авария так изменила твою жизнь, так заставила задуматься над происходящим, что ты стал другим человеком? – уточнила девушка.

Николай покачал головой:

– Нет. Я и есть другой человек. Я действительно совсем не знаю тебя. Но ты мне очень понравилась. И начинать наши отношения со лжи я не хочу. Я – Давыдов, но Давыдов из другого мира. Ты слышала об экспериментах, которые проводит ИТЭФ?

– Краем уха, – ответила Даша. – Это ведь государственная тайна. Меня взяли на работу в вашу библиотеку потому, что у меня хорошая анкета. Хотя отец и не слишком хотел, чтобы я работала. Он мог бы содержать меня, пока я учусь...

– Но тебе хочется самостоятельности, – перебил Давыдов.

– Именно. Но ты говорил что-то об экспериментах?

– Да. Наши коллеги выудили меня из другой плоскости Вселенной. Там я работал учителем. И не помышлял о том, чтобы писать докторскую или даже кандидатскую диссертацию. Хотя я – самый настоящий Давыдов. Не двойник. Не самозванец. Просто моя судьба сложилась по-другому. Потому что другой была история нашей страны.

Даша глядела на Николая, улыбаясь:

– Знаешь, хоть ты и выгнал Вику, но в то, что ты говоришь, очень трудно поверить. Давыдов – он был ни на кого не похож. А я не вижу больших различий. Не в поведении, нет. В интонациях, оборотах речи, жестах... В тех вещах, благодаря которым узнаешь человека по голосу, по манере разговора, по силуэту...

– И я об этом. Я не выдаю себя за него. Я – это я. И я – Давыдов.

– Отражение? Как в «Хрониках Амбера»? Давыдов улыбнулся романтическому сравнению.

– В «Хрониках», насколько я понимаю, существовала первопричина, Амбер, и ее следствия, или отражения. В нашем случае миры, по-моему, равноправны. Впрочем, я и сам не знаю точно – ведь у себя дома я не занимался разработкой теорий множественности миров. Но скоро, надеюсь, буду заниматься... И тогда отвечу на твой вопрос с большей степенью достоверности.

Дашу, похоже, не очень удивили признания Николая. Или она им не поверила. Просто думала над тем, как ей относиться к такой перемене в человеке, который был ей небезразличен.

Принесли утку, мелко порезанные и свернутые в какие-то странные клубки овощи, грибы. Отличить, что в поданном блюде было мясом, а что – грибами, практически не представлялось возможным. Во всяком случае, на вкус.

Несмотря на то что Даша отказывалась, она с аппетитом принялась за еду. Все было очень вкусно. Возможно, и степная гадюка оказалась бы не таким уж страшным блюдом.

Давыдов на некоторое время отвлекся от разговора. Желудок настойчиво того требовал.

– А в своем мире ты был женат? – спросила наконец Даша. – Я так поняла, что у тебя там была совсем другая судьба...

Вот она женская логика! Мужчину, наверное, заинтересовали бы детали перемещения из другого мира, условия жизни там, исторические подробности, в конце концов. А девушку волновало совсем другое...

– Девушки обходили меня стороной, – усмехнулся Николай.

– Почему? – удивилась Дарья.

– У меня была непрестижная работа. Мало получал. И не имел завидных перспектив.

Даша рассмеялась:

– Характер у тебя действительно тяжелый. Если ты еще и не зарабатывал достаточно, понимаю тех девушек! Кстати, меня, выходит, среди них не было?

– Я жил в другом городе.

– Что ж, жаль, что не меня перенесли в ваш мир, а тебя в наш. Ты бы мог убедиться, что меня интересуют не обеды в китайских ресторанах и не зарплата... Или ты живешь в очень мрачном месте? Николай ненадолго задумался.

– Сложно сказать. У нас много плохого, но я еще не вполне разобрался, каково это – жить здесь. Меня вот, похоже, на самом деле хотели угробить. Ну, не меня, а здешнего Давыдова. И у них даже получилось.

– Может быть, это была обычная авария? – поинтересовалась Даша.

– Не знаю... У меня нет фактов для анализа.

– Знаешь, мне все это нравится, – жизнерадостно заявила девушка, но потом вдруг осеклась и задумалась. До нее, похоже, только сейчас дошло, о чем рассказывал Николай. Глаза ее стали грустными.

– Выходит, настоящий Давыдов на самом деле погиб?

– Я – настоящий, – твердо ответил Николай.

– Да, да, – тихо проговорила Дарья. – Давай поедем обратно? Меня ждут на работе...

От Николая не укрылось, что его новая знакомая была взволнована и расстроена. Ее, в отличие от Галины Изюмской, волновала судьба Николая Давыдова, а не «общего дела».

Давыдов попросил счет, спокойно заплатил за обед сорок четыре рубля, хотя здесь такие деньги, похоже, были очень приличной суммой, и, взяв Дашу под руку, довел ее до машины. Действительно, нужно было возвращаться. Сначала – работа, потом – развлечения.

Пять часов пролетели как один час, пока Давыдов-нынешний штудировал математические труды Давыдова-прежнего. Материал давался ему легко. В конце концов, базовый уровень образования был у них одинаков, образ мышления – более чем сходный.

Если нынешний Давыдов сталкивался с незнакомой работой или теорией, которую использовал для вычислений прежний, то он просто смотрел ссылку и изучал эту работу. Никогда еще работа со ссылками не была для Давыдова-нынешнего такой продуктивной. Прежде он вообще считал, что ссылки делают лишь для того, чтобы показать свою эрудицию по данной теме.

Сложнее было с физическими теориями. Физика не была коньком Давыдова «в прежней жизни». Но физические аспекты теорий Николай оставил на потом. Нужно знать, для чего ты

производишь расчеты, но и разделение труда тоже полезно. В конце концов, физика – дело физиков.

Ближе к вечеру Давыдов вспомнил о том, что ему обещали дать возможность позвонить родителям. Профессор Савченко, когда он обратился к нему с просьбой об организации сеанса связи, отправил его к Изюмской, а та пригласила к себе. Ее лаборатория располагалась неподалеку именно от того зала, куда Давыдова переместили из родного мира.

– Твой разговор с родителями обойдется нам рублей в двести. Не ахти какие деньги, но разговор там, разговор тут... Лучше мы еще одну техничку найдем. Старайся экономить, – предупредила Давыдова Галина.

– Угу, – хмыкнул Николай.

Сумма, требовавшаяся для оплаты разговора, его не слишком впечатлила. Двести рублей, триста... Разве это деньги? Вместо того чтобы размышлять о предстоящих расходах, которые все равно лягут на институт, Давыдов с интересом разглядывал огромный аппарат, за которым сидела технолог. Были в нем и дисплеи, и микрофоны, и множество ручек настройки.

– Я сейчас выйду на телефонную линию вашего города и пошлю вызов на нужный номер. Телефон какой? Давыдов назвал номер и уточнил:

– А они не отследят, откуда звонят?

У родителей на телефоне не было определителя номера. Николаю просто стало интересно – как же Галина оформит вызов?

– Для них он будет выглядеть как звонок непосредственно со станции.

Девушка принялась крутить ручки на аппарате. Продолжалось это минут десять. Потом она объявила:

– Время пошло!

Одновременно с этим в трубке, которую держал Давыдов, раздались длинные гудки.

– Постарайся уложиться в минуту, – бросила напоследок Галина.

И тут трубку сняла мама.

– Это я, Николай, – сообщил Давыдов. – Я уже в Штатах, мама. Время дорого стоит, валюты мало...

– Как ты там очутился? – перебила Николая мать. – Почему не предупредил?

– Вызвали в областной департамент образования, там предложили лететь charterным рейсом. Тот, кого собирались послать сначала, отказался в последний момент. Заболел. И послали меня.

– Сколько ты там будешь? Как можно тебе позвонить? – деловито спросила мама.

– Программа – на полгода. Если не продлят. Звонить буду сам. Картошку вы выключили?

– Выключили! Так перепугались все! Картошка разваренная на плите докипает, а тебя нигде нет...

– А о Машке позаботились? – забеспокоился Николай.

– Мы ее к себе взяли. Сидит в углу, морковку грызет.

Морская свинка, в отличие от картошки, могла, конечно, подождать пару дней. Но потом ее обязательно нужно кормить и поить... Не ездить же из-за этого на другой конец города? Проще уж взять животное к себе.

– Глупо, как я обо всем забыл. Очень неожиданно все получилось. Едва успел самое нужное взять... А Машку через границу не пустили бы. На нее санитарный паспорт нужен. Да и перевозка дорого стоит.

– Обойдешься без своей свиньи. И все-таки я боюсь, Коля... Через океан лететь...

– Уже перелетели. А обратно, может, и паромом. Не надо пугаться. Все будет отлично.

Позвоню еще через пару недель или через месяц. Счастливо. Целую.

Давыдов кивнул Галине, связь прервалась.

– В минуту уложился, – констатировал а девушка. – Молодец! В качестве премии через недельку сможешь еще раз позвонить.

– Я бы лучше им письмо написал, – заметил Давыдов.

– У нас тарифы другие. Письмо обойдется гораздо дороже. Это ведь перемещение материального объекта.

– Ладно, посмотрим, – махнул рукой Давыдов. – Спасибо тебе.

– Рада помочь, – улыбнулась девушка. Давыдов уже собрался уходить, но на пороге обернулся и задал вопрос:

– Ты извини, конечно... Я тут много нового о себе узнал. Не о себе, конечно. О прежнем Давыдове. Глупо спрашивать, но у нас с тобой ничего не было? Ты на меня зла не держишь?

Галина звонко рассмеялась:

– Что было, то прошло, Николай. Какая теперь разница? Могу только сказать, что ты гораздо приятнее нашего Давыдова. Наверное, жизнь в стесненных обстоятельствах благотворно влияет на личность. Может быть, с тобой нынешним я и не против быша бы закрутить роман... да поздно. И у меня обстоятельства изменились, да и ты встретил свою Дашу...

– Откуда ты знаешь? – Давыдов удивился.

– Наш институт – как большая семья, – немного раздраженно бросила Галина. – Со своими информаторами, с полицией нравов на добровольных началах... Скоро увидишь. Ну да и пусть их – не забывай, заходи!

Когда Давыдов собрался ехать домой, было уже часов девять. За окнами кабинета опустились сумерки. Несмотря на усталость, Николай был в приподнятом настроении. Стоя в вестибюле ИТЭФа, с мобильного телефона он позвонил Толику. Вообще-то он был не против пройтись до дома пешком – расстояние едва ли составляло больше километра, но разыскивать дом в сумерках не хотелось.

Водитель, коротавший время в подсобке рядом с комнатой охранников, быстро вышел на стоянку перед институтом, завел машину, и они помчались по проспекту Стачки. Оказавшись в нужном квартале, Давыдов быстро сориентировался и попросил:

– Высадите меня здесь.

– Не положено, – притормаживая у обочины, возразил Толик. – Обязан проводить...

– Все равно ведь я в магазин пойду, – объяснил Давыдов. – Мне долг отдать нужно, да и купить кое-чего. Что вы, до ночи со мной ходить будете?

– Положено так, – пробормотал Толик. – А если что купить нужно – дали бы мне задание. Целый день даром простоял. Ну да что уж с вами поделаться – выходите...

Давыдов махнул на прощание шоферу и побрел мимо зарослей кустарника к маленькому магазинчику, где покупал медовуху и сбитень. Бутылки с этими напитками позвякивали у него в пакете. Напрочь забыл о них! Прямо скажем, что-нибудь можно было выпить и на работе. Да не догадался взять пакет из машины.

На улице похолодало. Николай застегнул пиджак, оставив незастегнутой нижнюю пуговицу. Все-таки он приехал не из глухой деревни, знал, как нужно носить одежду согласно правилам этикета. Пиджак сидел хорошо, и трубка мобильного заметно оттопыривала карман. Николай повесил телефон на пояс, но и тут он здорово мешал. Тогда математик бросил телефон в пакет, рядом с бутылками.

В магазине Давыдов напомнил продавщице, что задолжал ей, и купил колбасы, сыра, кетчуп и булочек. Подумав, взял несколько банок консервов, рыбных и овощных. Свежими овощами магазин, к сожалению, не торговал. Массовая закупка обошлась Николаю в каких-то десять рублей. Теперь ему наконец стал понятен масштаб цен. Напитки стоили дорого – скорее всего, из-за акцизов. Продукты же были гораздо дешевле.

Теперь уже с двумя пакетами Давыдов медленно пошел к подъезду. Дом отбрасывал длинную тень – в небе стояла полная луна. Судя по тени, на крыше здания кто-то шевелился. Или, может быть, качалась телевизионная антенна? Давыдов даже поднял голову, чтобы посмотреть. Хотя какое ему, собственно, дело?

Гул машин на проспекте становился все тише, звуки внутри квартала, во дворах – отчетливее.

– Это же он! Пришел пешком, а не приехал! Стреляй!

Давыдов даже на мгновение не предположил, что речь идет о нем. Позже, обдумывая донесшиеся с крыши реплики, Николай пришел к выводу, что не сообразить, кого именно поджидали в засаде неведомые злоумышленники, мог только весьма туповатый человек. Но в сам момент происшествия он лишь подумал, что не очень-то хорошо будет находиться на линии огня. И ускорил шаг.

Грохот автоматной очереди – и краем глаза Давыдов заметил, как упал лицом в землю пожилой мужчина, выгуливавший свою собаку. Собака с громким визгом устремилась в кусты, а стоявшие неподалеку от подъезда две девочки поспешно опустились на колени и пригнулись. Падать на землю им, видимо, помешало не совсем полное осознание опасности и боязнь запачкать яркие курточки.

Люди действовали так слаженно, что, казалось, они проходили выучку, как вести себя в случае обстрела. (Позже выяснилось, что именно так оно и есть и в школах, и на предприятиях учили грамотно действовать при атаках террористов.) Но Николай не проходил подобных курсов. Его не учили при звуках пальбы падать на землю ничком. Более того, как математик, он прекрасно понимал, что для стрелка на крыше в стоячем положении представляет гораздо менее удачную мишень, чем в лежачем. И бросился к подъезду, даже не пригибаясь. Напротив, стараясь держаться по возможности ровно.

Треск автоматных очередей и сочное щелканье пуль по асфальту продолжались. Раздался звон разбитой бутылки, из пакета Николая на землю что-то полилось. Или медовуха, или сбитень... Как ни странно, Давыдов подумал о потерянной напитке с сожалением, позабыв порадоваться тому факту, что попали в пакет, а не в него.

Не выпуская из рук поклажи, Давыдов вбежал под козырек подъезда. Верная долгу консержка, презирая опасность, спешила ему навстречу, сжимая в руке большой газовый баллончик.

– Я вызвала охрану, – срывающимся голосом сообщила она. – Что происходит?

– Стреляют, – коротко ответил Давыдов. Только сейчас до него стало доходить, что стреляли, скорее всего, именно в него.

Оставаться внизу было небезопасно и попросту глупо. Давыдов поднялся в свою квартиру. По крайней мере, нужно положить продукты в холодильник. Дома он выяснил, что разбита не только бутылка со сбитнем. Пуля прошла и мобильный телефон. Вряд ли он подлежал восстановлению.

Минуты через три, завывая сиреной, подъехали патрульные автомобили и автобус с милиционерами. И уже через пять минут Николай давал показания человеку в штатском, к которому вскоре присоединился напарник. Хотя, собственно, что он мог показать?

– А ведь они рассчитывали на то, что вы ляжете на землю, – покачивая головой, резюмировал в конце беседы допрашивавший Николая офицер спецслужб. – Собирались расстрелять вас сверху. Кстати, почему вы не легли, господин Давыдов?

– Проекция с крыши при положении «лежа» самая объемная. Вот если бы стреляли из кустов – другое дело. Тогда попасть в стоящего человека легко, а в лежащего – почти невозможно.

– Да, это так, – кивнул другой офицер. – Но тренировки вырабатывают навык сначала падать, а потом думать. Вы плохо тренировались в свое время, Николай Васильевич. И сейчас это, как ни странно, спасло вам жизнь.

– Работы много. Не до тренировок, – зачем-то стал оправдываться Давыдов. – К тому же я все-таки математик. И мыслю соответствующим образом.

Злоумышленников задержать не удалось. Даже оружия, из которого они стреляли, не нашли. Бережливые киллеры забрали автомат с собой – несмотря на риск быть пойманными с оружием. Как они попали на крышу? Как успели уйти оттуда за три минуты незамеченными?

Наверх, имея некоторую сноровку, можно было подняться с помощью пожарной лестницы. Но вот спуститься по ней за пару минут было уже гораздо труднее. Однако поиски на крыше, чердаке и в подъездах дома, а также на прилегающей территории ничего не дали.

Спустя час после происшествия к дому Давыдова начали подтягиваться журналисты. По совету работников спецслужб, Николай не стал общаться с «акулами пера», и те, снимав адресный план жилья сотрудников института, разошлись.

Давыдов же заперся у себя в квартире с желанием поскорее расслабиться. Лучшим способом расслабления оказались путешествия по Интернету. Давыдов не отрывался от компьютера даже за едой. Благо заварить кофе и приготовить бутерброды было делом недолгим.

Утро в Институте теоретической и экспериментальной физики началось с расследования. Не успел Давыдов пролистнуть первый из заказанных в библиотеке научных журналов, как к нему примчался взволнованный и взъерошенный психолог.

– Почему ты не позвонил мне? – тоном глубоко оскорбленного человека возопил Семен. – Почему не позвал? Николай посмотрел на психолога с удивлением:

– Почему же я должен тебя звать? Разве ты охранник или сотрудник службы безопасности?

– Я твой друг! – безкомпромиссно заявил Кручинин.

– Несомненно. И только поэтому я должен был будить тебя ночью? Зачем?

– Чтобы снять психологическую нагрузку. Шутка ли сказать – вооруженное покушение! Страшный удар по психике. Ты и сейчас не в себе! Нам нужно немедленно провести сеанс психоанализа.

– Может, как-нибудь потом? – робко предложил Давыдов.

Не то чтобы покушение оставило его равнодушным. Просто он был уверен, что никакой психоанализ ему не поможет. А поможет в лучшем случае поимка тех, кто на него покушался, а в худшем – бронезилет.

Беспокойство же Семена, скорее всего, имело под собой прагматичную почву. В преуспевающем институте физики психолог не должен даром есть свой хлеб. Он обязан помогать всем и всегда. Потому что без математиков ИТЭФ работать не сможет, без программистов – тоже, а собственный психолог, даже очень хороший, – не более чем деталь интерьера солидной фирмы.

От грядущего сеанса психоанализа, на котором Кручинин, несомненно, настоял бы, Николая спасло появление профессора Савченко. Профессор обратился к математику с тем же вопросом:

– Почему ты сразу же не сообщил мне о покушении? Я бы прислал охрану...

– Поздно было присылать.

– Дикий случай, конечно. Охранные системы оказались отключены.

– А у нас в доме есть охранные системы?

– Еще бы! Самые совершенные. Какой-то разгильдяй отключил питание. Или не разгильдяй... Но с этим мы еще разберемся.

– Да, не помешает, конечно.

– Толика твоего я уволю, – решительно заявил Лев Алексеевич.

– Не надо. Ни в коем случае! Он и так страшно переживает, – поспешил защитить водителя Давыдов. – Я сам заставил его вчера уехать раньше времени. И пошел в магазин. Он не хотел меня отпускать.

– Или делал вид? – Семен позволил себе вмешаться в разговор.

– Нет. Притворства не было.

– Его и сейчас на месте нет!

– Он выполняет мои поручения. Покупает телефон. Мой вчера прострелили. Представляете? – поделился бедой Николай.

– Так телефон, выходит, тебе жизнь спас?

– Ну, не совсем. Он был не на груди, а в пакете. Динамик, схемы – все разбито. Аккумулятор слегка повредило. А сим-карта цела. Так что номер у меня останется прежним.

– И все же я приставлю к тебе еще одного охранника, – заявил директор института, исподтишка наблюдая за Николаем, слишком много рассуждающим о телефоне. Психолог, наверное, назвал бы подобную разговорчивость сублимацией. Или каким-то другим хитрым термином. (Сублимация – вытеснение. Например, мыслей о сексе – агрессией или работой, мыслей об опасности – пустыми разговорами.)

– Я не смогу работать, если со мной постоянно будет находиться чужой человек. Мне и Толика больше чем достаточно, – попытался возразить Давыдов.

– Что ж, придется задействовать наружное наблюдение, – вздохнул профессор. – Соответствующим образом оснащенная охрана будет следовать на некотором удалении от тебя. Во всяком случае, здесь, в городе, пока ты не улетишь на заседание Думского Собрания в Москву.

Давыдов не стал спорить. Может быть, его и в самом деле нужно охранять? Но что делают даже несколько телохранителей против снайпера, засевшего на крыше или где-нибудь на обочине дороги, держа объект на прицеле?

Директор отправился звонить в службу охраны, а психолог некоторое время пытался завязать беседу, но Николаю совсем не хотелось с ним разговаривать.

– Через час жду у себя, – настойчивым потребовал Семен при расставании. – Если не придешь – явлюсь к тебе сам.

«Придется прийти, – вздохнул про себя Давыдов. – Из моего кабинета его без грубости не выгонишь, а в чужом кабинете я всегда смогу подняться и уйти сам. Да, может быть, и правда стоит поделиться своими проблемами со специалистом...»

В том, что Семен был специалистом, сомневаться не приходилось. Сумел же он убедить Давыдова делать то, что ему совсем не хотелось? Причем убедить почти ненавязчиво...

Андрей Дорошев вошел в кабинет Давыдова как-то бочком и виновато улыбаясь.

– Я слышал, ты тут делами занят... – начал он.

– Занят. Но тебе могу уделить несколько минут, – не в силах противостоять хорошему воспитанию, ответил Давыдов. Тем более Дорошев ему понравился с первого взгляда, несмотря на странные улыбочки и неожиданные высказывания. Николай этому человеку доверял.

– Да я, собственно, поздороваться зашел, – пожал плечами Андрей.

– Так уж и поздороваться?

– Ну, не только. Мне вот интересно – кому покоя не дает, что ты жив остался? Или ты кому-то успел уже не угодить как новый актер в старой роли?

Давыдов некоторое время думал над сказанным, а потом попросил:

– Поясни.

– Да что тут пояснять? Прежний Давыдов многим на мозоль наступил, а кое-кому даже и ноги оттоптал. Это ясно. Думаю, ты и сам это понял. А вот новый... Мне ты, например, кажешься весьма безобидным...

– Спасибо за комплимент! – мрачно усмехнулся Николай.

– Чего уж там... Это действительно так. Ты прежнего Давыдова не видел. Он жесткий был, резкий... Только Вику свою прогнать не мог. Ну а мы с ним всегда, впрочем, ладили. Делить нечего было. А ты вот кому помешал?

– Постой, постой, – поднял руку Николай. – Да ведь то, что меня из другого мира вызвали, знают человек десять, не больше?

Дорошев улыбнулся:

– Этого вполне достаточно. Они и есть основные игроки.

– В каком смысле?

– Да в таком, что с вероятностью более чем в пятьдесят процентов они стоят и за прошлым покушением на тебя, и за нынешним. Между нами говоря, перед той аварией Давыдов из института выехал. И «нива» его во дворе стояла. В темном закутке – чтобы людям глаза не мозолить. Тормозные шланги мог только кто-то из сотрудников подпилить! Потому что никого другого охрана во двор не пустит.

– Вот так-так... – только и мог произнести Николай.

– А ты не в курсе, что авария произошла из-за того, что тормоза отказали? И что, скорее всего, их из строя нарочно вывели? Да так, чтобы не сразу оборвались, на проспекте Стачки, где можно только машину помять, а через пару десятков километров, на трассе... Об этом тебе не рассказали?

– Не рассказали.

– Что еще раз говорит в пользу того, что акция была предпринята кем-то из ИТЭФа. Причем значительная часть твоих коллег эту акцию одобрила, раз никто не посчитал нужным информировать тебя о предыстории происшествия...

– Да, это показалось мне странным.

– Вот ты и подумай, – тихо засмеялся Дорошев. – Ты мне понравился. Обидно, если сгинешь понапрасну.

Давыдов отложил журнал, который не выпускал из рук, пока говорил Дорошев, в сторону, и посмотрел в упор на своего гостя.

– А ведь и ты, возможно, рассказываешь это мне для того, чтобы отвести от себя подозрения, – заметил он.

– Возможно, – нисколько не смутился Дорошев. – И над этим тоже подумай. Думать, оно, знаешь ли, полезно. Не только над уравнениями. Иногда и по жизни нужно что-то соображать. Прежнему Давыдову этого не хватало.

– Значит, ты считаешь, что от следствия толку ждать не стоит?

Дорошев хмыкнул:

– Ждать, конечно, можно. Но, по мне, лучше не ждать, а действовать. Ждать – это для слабых женщин. К слову, о женщинах... Ты бы завещание свое проверил... – ни к селу ни к городу вспомнил Дорошев.

– Какое завещание? – удивился Николай. – Нет у меня никакого завещания...

Конечно же у него завещания нет, а у прежнего Давыдова не исключено, что и было.

– Не могут же в наше время убивать из-за завещания? Это ведь как в дешевых детективах, – попытался заметить он.

– Люди не меняются, – усмехнулся Дорошев. – Впрочем, можешь считать, что, наталкивая тебя на мысль о завещании, я пытаюсь замаскировать какие-то глубинные, истинные причины преступления. Так будет лучше...

Николай забарабанил пальцами по столу.

– Ты, я вижу, вовсе не стремишься выглядеть невиновным в моих глазах? Тебя даже нравится играть в эту игру?

– Не скрою. Любопытно, – ответил Дорошев. – К тому же я на самом деле невиновен. У следствия нет улик против меня, а что подумаешь обо мне ты... Если ты настолько глуп, твое мнение для меня не слишком важно. Если умен – разберешься, что к чему.

Николай фыркнул. Дорошев был своеобразной личностью. Но в нахальной притягательности ему не откажешь.

Не успел Давыдов вернуться к статье, которую изучал до прихода Дорошева, как секретарь директора Зинаида положила на стол почту. Да не как-нибудь – в именной красной папке: на ней золотом были тиснuty фамилия Давыдова и его должность.

«Интересно, когда он работал? – подумал Николай о своем предшественнике. – Дома, по ночам? Он ведь еще и депутат...»

Депутатская деятельность прежнего Давыдова напомнила о себе, как только Николай открыл папку. Сверху лежал синий конверт с пометкой «фельдъегерская почта». У Зинаиды, наверное, имелась доверенность на получение важных бумаг. Конверт не был распечатан.

Впрочем, бумага в конверте оказалась важной, но явно не секретной. Она официально приглашала Давыдова в Москву на заседание Думского Собрания, открытие назначено было на пятнадцатое мая. Николай вспомнил, что сегодня, как ни странно, двенадцатое мая. А казалось, что с момента его похищения прошло уже столько дней! Функция даты в компьютере расчеты Давыдова подтвердила.

Николай послал по Интернету подтверждение получения приглашения и попутно удивился, почему нельзя приглашать депутатов по Интернету, вместо того чтобы гонять курьеров. Но, подумав, он нашел доводы в пользу фельдъегерской почты. Интернет подвержен хакерским атакам. Его можно вывести из строя ударом по серверам. Вряд ли он будет работать корректно в случае войны, если в ход пойдет электромагнитное оружие, разрушающее радары и компьютеры противника. А Думское Собрание должно собираться при любых обстоятельствах.

В почтовом ящике компьютера лежало одно-единственное письмо – от депутата Бориса Слуцкого. Николай отметил, что он уже слышал это имя. Знакомый по прежней жизни? Или он уже слышал о нем здесь? Да нет, кажется, тут представляли только коллег...

Николай открыл файл электронного письма, пробежал глазами строки на экране:

«Уважаемый коллега!

Сожалею, что с вами произошел досадный инцидент. Тем не менее подтверждаю готовность встретиться в любое удобное для вас время на моей территории. К сожалению, сам приехать к вам не решаюсь – вряд ли мы сможем быть защищены от прослушивания в чертах города.

Полагаю, нам обязательно нужно побеседовать до начала заседания парламента. Подтвердите получение приглашения, но не сообщайте, когда будете выезжать, во избежание повторения несчастных случаев. Я жду вас в любое время.

С уважением, Борис Слуцкий».

Давыдов вспомнил, где он слышал о Слуцком. На пресс-конференции, где журналистка едва ли не вслух назвала Слуцкого бандитом. Наверное, депутат в самом деле был могущественным и влиятельным. И Давыдов должен был с ним встретиться. Не для того, чтобы обсудить какую-то гипотетическую общую позицию. Для того, чтобы разобраться в позиции «партинеров», выслушав «противника».

Близилось время обеда. Николай позвонил в библиотеку.

– Принесите мне, пожалуйста, подшивку газеты Думского Собрания за этот год, – попросил он Дашу Белову. – Мы ведь ее выписываем?

Конечно, газета была только предлогом увидеть девушку.

Даша вошла, с трудом неся перед собой огромную кипу газет: не одну подшивку, а, кажется, целых пять.

– Не думал, что она такая увесистая, – попытался оправдаться Николай.

– Обратно сам понесешь, – ответила девушка. – В каждой подшивке – материал всего за один месяц. Газета выходит на шестидесяти четырех полосах три раза в неделю. Только мое хорошее отношение позволяет тебе командовать. Ну и, возможно, то, что вчера мы очень приятно пообедали.

– Я бы опять хотел пригласить тебя куда-нибудь, – признался Николай.

– Не слишком ли часто? – поинтересовалась Даша.

– Полагаю, нет. Пойдем в какое-нибудь заведение попроще. Но чтобы нас никто не видел.

– А твой водитель?

– Действительно, – улыбнулся Николай. – Мне и самому с ним не по себе. Я возьму свою машину. Если ты согласишься.

– Соглашусь, – кивнула девушка и быстро вышла из комнаты.

Легко сказать – возьму свою машину... А как же охрана? Что скажет Лев Алексеевич? Да и вообще, Николай давно не садился за руль – справится ли с управлением? Но покататься на собственной новой машине очень хотелось! Те, у кого машины никогда не было, – поймут...

Давыдов вызвал в кабинет Толика. Водитель вручил Давыдову только что купленный телефон – точную копию прежнего «Корвета». Единичка здесь тоже слегка западала. И Николай засомневался: то ли телефоны делались с единообразным браком, то ли эта кнопка на самом деле не западала, а имела какие-то функциональные, неизвестные ему свойства?

– Машину мою пригонишь, Анатолий? – спросил математик, положив телефон в карман.

– «Девятку», от родителей? Или новую «десятку»?

– «Десятку», пожалуй, – вздохнул Николай. – Она где – в гараже рядом с домом?

– Да, наверное. Если вы никуда ее не переставляли.

– Вот и давай ее сюда. Только не помню – куда же я ключи от гаража и от машины дел?

– Где-то дома, наверное, лежат. Только у меня все ключи есть, – объявил Толик.

– Замечательно. И перед институтом тогда машину поставь. Во двор не загоняй. Толик задумался:

– Опять без сопровождения ехать куда-то надумали? Уволят ведь меня. Я вынужден буду директору доложить...

– Не старайся. Я сам ему доложу. И еще, Анатолий... Можно сейчас в магазине хотя бы пневматический пистолет купить? Многозарядный, с баллончиком? А еще лучше – ракетницу. Или какой-нибудь «Удар»...

Водитель-телохранитель с недоумением посмотрел на своего подопечного:

– Зачем это вам, Николай Васильевич?

– Да так, на всякий случай... Если тебя рядом не будет – хоть какое-то оружие иметь.

Лицо Толика вытянулось еще больше.

– Так вы свое табельное оружие у Савченко возьмите, – предложил он. – Давно пора.

– Табельное оружие? – удивленно переспросил Давыдов.

– Ну да. Точно такой же пистолет, как и у меня, – пояснил телохранитель. – Запомнили, наверное, что директору сдали? Я еще тогда удивился – зачем? Но вы сказали, у вас убеждения специфические... Нет, сцепифические... Или, кажется, поцифические...

– Наверное, пацифистские, – догадался Николай. – Было, да прошло.

– Вот и хорошо, что прошло. Пистолет – друг надежный. Анатолий распахнул свой пиджак и похлопал по наплечной кобуре.

– Модифицированный «Макаров», – объяснил он. – Пуля тяжелее, ствол длиннее. Убойная сила – на слона можно ходить...

– Ну, положим, убивать я никого не хочу, – вздохнул Давыдов.

– Специфист, – слегка скривившись, покачал головой Толик. – А по мне – лучше я, чем меня.

– Что ж, может, и так, – не стал спорить Николай, пацифистские убеждения которого в последнее время несколько пошатнулись.

Уладить все вопросы с Савченко оказалось на удивление просто. Тот только напомнил, что машины Давыдова будет держаться «хвост» – серая «волга». Машину эту отсекать не нужно, в ней едут свои люди. Которые и сами за другими «хвостами» проследят, и прикроют при случае.

Директор ИТЭФа отдал Николаю пистолет в отличной кожаной кобуре с двумя запасными обоймами. Ощущая под мышкой оружие, Давыдов почувствовал себя совершенно другим человеком. Уверенным. Сильным. Готовым ответить на самый дерзкий вызов.

Никто не назвал бы Николая трусом и до сих пор. Но одно дело – смело идти навстречу опасности и преодолевать страх, другое – понимать, что ты действительно справишься с любой ситуацией. Не будешь блефовать, надеясь на нерешительность противника, а используешь преимущество. Или будешь уверен в том, что враги твои преимуществ перед тобой не имеют – что гораздо важнее.

Некоторые утверждают, что оружие любят слабые мужчины. Неправда. Оружие любят все мужчины. Потому что оно дает шанс в бою с любым противником. Рост, вес и мышцы перестают иметь значение. Важны становятся только навыки боя. И число противников играет уже гораздо меньшую роль. Как говорят американцы, Господь Бог создал людей, а господин Кольт сделал их равными.

Давыдов сидел в кресле и перезаряжал пистолет, когда в кабинет вошла Вика Орехова.

– Наверное, я так и не дождусь от тебя звонка? – как ни в чем не бывало спросила девушка.

Она даже слегка улыбалась: поощряюще, обнадеживающе. Цену таким улыбкам Николай хорошо знал по прошлой жизни, когда его пинали часто и много. Девушки улыбаются так, чтобы лишний раз поиздеваться над своей жертвой. А многие из них терзать жертву любят и умеют. Вика – явно из таких...

Николай тоже улыбнулся, не переставая снаряжать маслянистыми тяжеленькими патронами обойму «Макарова», и ответил:

– Может быть, и не дождешься.

– Самостоятельным стал! – ядовито прошипела Вика. – Свобода голову вскружила?

Даже под слоем косметики было видно, что лицо ее пошло красными пятнами. Оно и понятно – всегда Давыдов оказывался легкой добычей, а сейчас вдруг выходит из-под контроля! Причем, казалось бы, ни с того ни с сего, после всех тех уроков, что она ему преподавала...

– Знаешь, Вика, я считаю, что нашим отношениям нужно положить конец, – спокойно заявил Николай.

– То же самое собиралась тебе сообщить и я, – не растерялась Вика. – Для этого сюда и шла.

– Ну вот и отлично.

– Нет, не отлично! – сорвалась на крик Вика. – Я на тебя положила свои лучшие годы!

– Надеюсь, лучшие годы у тебя все же впереди, – утешил бывшую подругу, расположившуюся в кресле напротив, Николай.

– И просто так ты меня бросить не можешь, – продолжила девушка.

– Это уже похоже на деловой разговор, – объявил Николай, вгоняя обойму в рукоять пистолета и передергивая затвор. – Речь идет об отступных?

– Ах ты, подонок! – вскипела Вика. – Сколько раз ты, подлец, умолял меня выйти за тебя замуж!

– Но ты ведь не согласилась? – проявил изрядную сообразительность Давыдов.

Отношения его предшественника и этой девушки становились все более ясными. Николай и сам был таким идиотом – лет восемь назад. С тех пор, узнав немного жизнь, он стал оценивать события реально, а не так, как ему хотелось видеть. И совсем не так, как пытались их представить девушки.

Под наплывом романтических чувств очень просто забыть обо всем на свете и погрузиться в иллюзорный мир, где слово «любимый» дороже всех мирских благ. А в своем желании провести ночь с понравившейся девушкой можно зайти очень далеко... Как там в песне из новомодного мюзикла? Но, стряхнув с себя романтический флер, начинаешь понимать несоизмеримость своих желаний и столь великих жертв. И осознаешь, что такая «великая» любовь – особенно любовь с первого взгляда – вовсе не проявление прекрасных чувств, а признак эгоизма и гипертрофированного эгоцентризма.

– И нисколько не жалею об этом, – кивнула Вика, старательно выставляя напоказ свои стройные ноги. На этот раз это было особенно легко – девушка, готовясь к серьезному разговору, надела мини-юбку.

– Вот и отлично, – скупно улыбнулся Давыдов. – Огласи, пожалуйста, свои предложения. Максимально сжато и по-деловому.

– Эта дрянь, Белова, ничего не получит, – заявила Вика. – Ты отдашь мне квартиру, машину и право распоряжаться патентами на все свои изобретения, имеющиеся на сегодняшний день. Потому что именно благодаря мне ты и мог всего этого добиться...

Николай расхохотался:

– И больше тебе ничего не нужно? Публичных извинений в газете? Чтобы я сменил фамилию? Или подвергся кастрации?

– Было бы неплохо, – начала Вика, но Давыдов перебил ее:

– Ты ничего не получишь. Одно дело – просить чего-то, что ты не имеешь. Другое – выдвигать совершенно безрассудные требования. Можешь идти.

Вика опешила, однако уходить не собиралась.

– А как же твои избиратели? – мрачно напомнила она. – Я могу рассказать им многое о твоих неблагоприятных делишках. О параноидальных истериках, маниях и извращениях...

Давыдову, конечно, стало интересно, чем из вышеперечисленного на самом деле страдал прежний Давыдов, а что Вика придумала на ходу, для «желтой прессы» – за ее откровения многие ухватились бы. Да что там ухватились – хорошо заплатили бы! Но любопытство он в себе подавил и указал Вике на дверь.

– Рассказывай что хочешь, где хочешь и кому хочешь. Прежде чем давать согласие на печать, покажи статьи мне. Может быть, я дам за них больший гонорар, чем редактор.

Чао!

На самом деле ход Давыдова был маленькой хитростью. Он всего лишь хотел из первых рук узнать, в чем обвиняет его девушка. Может, они вместе убили кого-то? Или прежний Давыдов на самом деле был еще тот фрукт? Относительно же платы... Никогда нельзя платить шантажистам. Потому что они не успокоятся, пока не разденут вас до нитки. Только полная нищета может дать вам покой. А запросы Вики были весьма прозрачны.

Вика фыркнула и со словами: «Ты еще пожалеешь!» – покинула кабинет. А Николай позвонил секретарю директора:

– Зинаида, вы не забыли, кто может быть в курсе моих финансовых дел? И у кого хранится мое завещание?

– Как же? Делами занимается ваш поверенный, Петр Петрович Свиридов, у него же хранится и копия завещания. А в принципе вы пользуетесь услугами частного нотариуса – фамилию и адрес я вам сейчас скажу...

– Нет, не говорите. Лучше пригласите поверенного.

Давыдов усмехнулся. Эка – у него даже есть свой поверенный! Не нужно думать о том, куда вложить деньги, как оформить документы на квартиру... Пожалуй, и в налоговую инспекцию этот Петр Петрович ходит. Ну и обманывает Давыдова, естественно, в меру сил. Подворачивает, процент со сделок от продавцов получает... Хотя кто знает – может, и кристальной честности человек. Всякое бывает.

По внешности Петра Петровича Свиридова было затруднительно определить, является ли он порядочным человеком или отъявленным негодяем и жуликом. Невыразительный мужчина лет пятидесяти, в строгом костюме и с пухлым портфелем в руке, прятал глаза за толстыми стеклами очков и улыбался – дежурно, но не без приятности.

– Сделку какую задумали, Николай Васильевич? – поинтересовался он едва ли не с порога.

– Нет, Петр Петрович, – постарался повторить улыбку поверенного Давыдов. – У меня возникли определенные проблемы в личной жизни... Не могли бы вы вкратце рассказать, какие доходы я получил за время работы, на что деньги потратил... Надо, знаете ли, с собой разобраться. Все ли я верно помню...

– Похвальное желание, – кивнул Свиридов. – Только зачем же рассказывать? Я вам подробнейший отчет представлю. Вплоть до копейки. Завтра же.

– Не нужно до копейки. Только крупные сделки. И, если можно, сейчас.

– Уж не усомнились ли вы в моей честности? – насторожился опытный поверенный. – Готов в любую аудиторскую компанию отчет представить... Проверку опять же можно заказать...

– Что вы, что вы, – успокоил поверенного Давыдов. – Ни в коем случае.

– Я ведь, кроме вас, дела двенадцати человек веду. Мне дурная слава ни к чему, – продолжал оправдываться Свиридов.

– И речи об этом быть не может. Никаких подозрений. Задумался я только над тем, правильно ли трачу деньги, – изящно сформулировал Давыдов.

Действительно, кто знает, мотом был его предшественник или скупердьяем? Среда накладывает отпечаток. А желание тратить деньги правильно есть и у расточительного человека, и у экономного. Только понимают они под словом «правильно» разные вещи.

– Вы рассказывайте, – подбодрил поверенного Николай.

– Рассказать могу только о том, чему сам свидетелем был – а работаем мы с вами шесть лет. Впрочем, насколько я знаю, до этого у вас только одна крупная сделка была – вы квартиру купили, которая сейчас уже продана. – Свиридов потер руки, вытащил из портфеля книгу наподобие амбарной, исписанную мелким почерком, и, небрежно листая ее, начал рассказывать: – Когда вы поручили мне вести дела, на счету вашем лежало две тысячи рублей, что, конечно, совсем не мало, и владели вы квартирой в нашем славном городе, где и проживали. Не скажу, что ваш покорный слуга явился для вас неким счастливым талисманом, однако сразу после заключения контракта со мной, по совету Льва Алексеевича Савченко, вы получили грант от Министерства высшего образования совместно с вашими коллегами. Ваша доля составила двенадцать тысяч рублей. Деньги мы вложили в акции и ценные бумаги. Затем вы получили премию за защиту кандидатской диссертации – три тысячи рублей. После – особую стипендию правительства, доход от которой в общей сложности составил пять тысяч...

– Извините, а что, кандидатская была признана выдающейся? За что премию-то дали?

Поверенный удивленно посмотрел на Давыдова из-под очков:

– Так ведь всем дают, батенька! Защитил кандидатскую – значит, достоин лучшего! Надбавка за ученую степень – это, конечно, прекрасно... Но и единовременная выплата не мешает. Обычно люди, закончив аспирантуру, семьей обзаводятся, самостоятельно жить начинают... Насколько я помню, еще года за два, как вы защитились, такой порядок ввели. Очень, скажу я вам, правильный порядок. Еще выше поднял престиж ученого. Государство не обеднеет, а молодому человеку полезно!

– Да, действительно, – согласился Давыдов, краснея. Нужно же было задать такой глупый вопрос! Вряд ли бы тот Николай, место которого он занял, мог забыть о выплате премиальных... Хотя, с другой стороны, юристы и экономисты мыслят не так, как другие люди. Вот и поверенный, похоже, не придал большого значения его вопросу.

Свиридов полистал книгу, замялся, потом попросил:

– Можно я сначала о доходах, а потом отдельно о расходах, чтобы время не терять?

– Да, конечно, – кивнул Николай.

– Стало быть, после стипендии получили вы авторскую долю за два изобретения. Какие изобретения – не знаю, да и знать не хочу. Одно известно – изобретения купило военное ведомство, авторское вознаграждение по этим проектам налогом не облагается. Чистая прибыль – тридцать семь тысяч рублей. Это уже серьезно. Чтобы прибыльно разместить такие деньги, попотеть пришлось. Впрочем, насколько я помню, вы тогда и тратить их принялись активно. Ну, к этому сейчас перейдем. Да, потом еще одно свидетельство на изобретение было – пятнадцать тысяч, и патент гражданский, с которого вам причитается половина процента отчислений. На сегодняшний день, если не ошибаюсь, платежи уже за сорок тысяч перевалили. От грантов государственных вы после получения патентов отказались в пользу молодых сотрудников, стипендии не получали. Читали лекции в Германии. За это получили две тысячи долларов. Валютный счет как был у вас, так и есть, платежей с него не производилось – это я хорошо помню. Доход по премиям и зарплате, что вы на счет направили – двенадцать тысяч. Да вознаграждение за защиту докторской диссертации – пять тысяч. И продажа уже упомянутой выше квартиры – семь тысяч рублей. Не очень хорошая квартира была, на окраине. Да доходы по вкладам и акциям – двадцать четыре тысячи. Это чтобы вы имели в виду, что я не напрасно свой процент от сделок имею...

– Да, да. – Николай был немного огорошен всей этой бухгалтерией.

– Теперь от приятного к еще более приятному – или как посмотреть. – хихикнул Петр Петрович. – К расходам. Куплен вами дом для родителей – восемнадцать тысяч рублей плюс его перестройка – еще восемь тысяч. Но из ваших денег на это только двадцать тысяч пошло, остальное отцом внесено. Квартира в строящемся доме института в копейки обошлась – четыре тысячи рублей. Мебель, оборудование – тоже четыре тысячи. В подарок невесте своей вы трехкомнатную квартиру купили – двенадцать тысяч рублей. – Поверенный скривился как от зубной боли. – Машину ей же семь тысяч. Себе «ниву», что вы разбить недавно изволили, – шесть тысяч. «Десятка» ваша, последнее приобретение, – двенадцать тысяч. Теперь что касается недвижимого имущества за пределами города... Дача на реке Дон – восемь тысяч, дачный домик на Черном море – двадцать пять тысяч. Изъятия со счета, средства, которые вы наличными брали, – тридцать пять тысяч. И за границу ездили, и в санатории отдыхать плюс оборудование покупали в магазинах, за наличные и по карточке...

– Покупал, – не стал спорить Давыдов, вспоминая мощный компьютер и домашний кинотеатр, которые он видел в квартире.

– Итого, вы пока в «плюсе», около пятнадцати тысяч на вашем счету крутятся, работают. Некоторые говорят, лежат, но это неверно – в банке деньги не лежат...

– А перспективы? – полюбопытствовал Давыдов.

– Насколько мне известно, еще поступления ожидаются – и значительные – после того, как грандиозный проект, над которым работает ваш институт, будет полностью закончен и до конца оплачен государством. Вот, собственно, и вся информация.

Николай потряс головой:

– Загрузили! Столько цифр, и все подряд...

– Сами просили, чтобы я в устном виде. То ли дело расчет, дебет – кредит... Вы же математик, куда уж проще – цифры складывать да вычитать.

– Математик – это да... Но я больше с формулами, а не с бухгалтерскими отчетами...

– Не скромничайте! – возразил Свиридов. – Вы и бухгалтерию неплохо вели. Только наличными много платили – а это развращает. Теряешь контроль за расходами.

– Кофе, может быть? – предложил Давыдов.

– Не откажусь.

Николай принес из комнаты отдыха две чашки, приготовил кофе, поставил одну чашечку перед поверенным. Сам присел рядом, не в хозяйское кресло. Петр Петрович кофе вежливо пригубил, но пить не стал. Наверное, не слишком любил растворимый, предпочитал молотый.

– А кому, скажем, в случае моей гибели имущество отойдет? – поинтересовался как бы между прочим Николай.

– Разумный вопрос, очень деловой! – словно придя от самой мысли о кончине Давыдова в восторг, объявил Петр Петрович.

Он отставил кофейную чашку в сторону, жестом фокусника извлек из портфеля пакет, из пакета – лист папиросной бумаги, на котором красным шрифтом был оттиснут какой-то текст, и зачитал:

– «В случае Вашей безвременной кончины права на неоформленные авторские гонорары получает ИТЭФ с целью учреждения премий и стипендий. Квартира и деньги на счете отходят родителям, автомобиль – Виктории Ореховой, Вашей подруге. Разбитая ныне „нива“ предполагалась как прощальный подарок Вячеславу Бурдинову, Вашему другу. Отчисления с оформленных патентов – в Красный Крест, на благотворительность».

– Спасибо, – поблагодарил поверенного Николай. – Как вы считаете, Петр Петрович, завещание не могло стать причиной расправы со мной?

Свиридов в ужасе воздел руки к небу:

– Значит, это правда? На вас покушались?

Впрочем, голос Свиридова от ужаса не дрожал. Скорее присутствовал в нем какой-то оттенок любопытства. Что уж там – на своем веку поверенный повидал, наверное, всякого. И мелкие трагедии, и разбитые судьбы... А сейчас он просто собирал информацию. Потому что любой поверенный должен знать как можно больше – если хочет успешно вести свои дела. И дела своих клиентов.

– Было дело, – вздохнул Николай. – Из автомата вот пытались расстрелять. С крыши.

– Страшно? – Свиридов перешел на шепот.

– Откровенно говоря – нет. Потом, когда задумался, стало страшно. А сначала – только возбуждение.

– Реакция воина, – прищурился Свиридов.

– Да где уж мне... Как вы думаете: кому выгодно в меня стрелять?

– С имущественной точки зрения? – уточнил Свиридов. – Я ведь в политике не слишком силен...

– С имущественной, – кивнул Давыдов. – Политику пока в сторону.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Петр Петрович. – Больше всех по завещанию получают ваши родители. Но, думаю, живой вы принесете им гораздо больше пользы. И с материальной, и, конечно, с моральной точки зрения. Собственно, даже мысли не могу допустить...

– И я не могу. Дальше, – попросил Давыдов.

– Госпожа Орехова, как я полагаю, тоже предпочитала бы видеть вас здравствующим. Даже самая лучшая машина – небольшой куш, а вы постоянно балуете ее своим вниманием.

Николай отметил, что в свете последнего разговора «госпожа Орехова» может потерять и надежду на получение машины. Впрочем, вряд ли меркантильные соображения заставили девушку взяться за автомат. А нанять киллера она попросту не успела бы.

– Может быть, она полагала, что ей достанется больше? – спросил он.

– Вам-то виднее, – хихикнул Петр Петрович.

Действительно, откуда поверенному знать тонкости их отношений? А Давыдов вполне мог обещать девушке золотые горы...

– Много достается Институту физики, – продолжил Свиридов. – Но ИТЭФ – организация, и вряд ли кто-то станет вершить расправу от его имени. То же касается и Красного Креста. Впрочем, в любой организации могут найтись маньяки...

– Да, да, – согласился Давыдов. – Большое спасибо, Петр Петрович.

Поверенный собрал бумаги и вышел, а Давыдов взглянул на часы и обнаружил, что опять опоздал на обед с Дашей. К слову, так ли уж бескорытна девушка, несмотря на все ее заверения? Николай подозревал, что обеспечен, но теперь выяснилось, что он просто богат. А богатого человека волей-неволей начинают обуревать сомнения относительно искренности близких и дальних родственников и знакомых. Широкие финансовые возможности не только дают свободу – они весьма разрушающе действуют на психику...

Только усилием воли Николай подавил в себе подозрительность. Впрочем, не напрасно ли он не дает волю оборонительным частнособственническим инстинктам?

Перед тем как отправиться к Даше, Давыдов вышел на улицу полюбоваться машиной, которую пригнал Анатолий. Да и проехать хотя бы вокруг здания института не мешало бы. Водитель вручил ему ключи, а Николай, оглядев стоянку, легко вычислил «свою» машину.

Здесь «десятка» не очень-то походила на «десятку» из его родного мира, хотя определенное сходство все же имелось. Машина Давыдова оказалась лимонно-золотистого цвета, с хорошими дисками и тонированными стеклами. Николай, пожалуй, выбрал бы немного другой цвет: «папирус» или «снежную королеву». Но, может быть, таких цветов не было в наличии, когда машина покупалась...

– Садитесь рядом, если я не соображу, как ехать, – попросил Николай.

– Не понял, – честно признался Толик. – В каком смысле – не сообразите?

– Ну, рычаги управления там, все такое...

– Хорошо, – послушно ответил водитель.

Похоже, он был в недоумении. Ну и пусть сам придумает объяснение поведению начальника. Давыдов уже утомился врать.

Николай сел за руль. В салоне было совсем не просторно – не то что в служебной «волге» на пассажирском месте. Чем-то «десятка» напоминала истребитель. Стрелочки, кнопочки, рычажки...

– Коробка передач – пятиступенчатая, задняя – вправо и вперед, – объяснил Толик. – Руль здесь очень легкий, радиус поворота – маленький. Поворот и включение фар – слева, стеклоочистители – справа. Собственно, все остальное – климат-контроль и тому подобное. Не пойму только – вы ведь неделю назад на ней катались...

Николай усмехнулся. Ох уж эта простодушность русского человека!

– Головой ударился. Забыл, как ездить, – опять соврал он, повернул ключ зажигания, выжал сцепление и включил первую передачу. Рукоятка переключения передач ходила легко, но размах был большим – гораздо больше, чем в старых моделях «жигулей».

Двигатель работал тихо. Сначала Давыдов переусердствовал и сорвался с места, пробуксовывая колесами по асфальту, но быстро приноровился и объехал вокруг института, потом еще

раз и еще. Остановился, тронулся опять. Дал задний ход. Машина оказалось легкой и приятной в управлении.

– Спасибо, Анатолий, – поблагодарил он водителя. —

Теперь сам поеду.

– Удачи, – вздохнул Толик. – Может быть, и я следом? На «волге»?

– Одна машина сопровождения есть. Хватит.

Давыдов вернулся в институт, чтобы позвать Дашу. Девушка, увидев его, прыснула в ладошку. Глаза ее хитро поблескивали. Улыбались и ее коллеги-библиотекари.

– Что это было? – весело спросила Даша.

– Что именно? – не понял Николай.

– Зачем ты мотался вокруг здания?

Николай смутился. Действительно, его маневры отлично просматривались из окон – если кто-то имел желание смотреть. Не скажешь ведь, что тренировался ездить?

– Первый раз, когда мы увидели твой автомобиль, подружки сказали: кавалер о тебе забыл, сам уехал. Когда ты проехал во второй раз – объяснили, что привлекает внимание. Ну а на третий и четвертый мы уже не знали, что и думать. Особенно когда ты начал сдавать задним ходом прямо перед нашими окнами.

– Я надеялся, что ты догадаешься и выйдешь, – придумал довольно-таки невнятное объяснение Николай.

– Так нужно было посигналить, а не ездить взад-вперед.

– В следующий раз я так и поступлю.

– Но лучше – не сигнал. Сам знаешь, кого вызывают гудком. Позвони, если тяжело зайти...

Даша лукаво улыбнулась и выскользнула из библиотеки. Давыдов пошел следом. Сегодня девушка была одета гораздо более броско: в короткую со складками юбку и бежевую шелковую блузку, на ногах – красивые коричневые босоножки со шнуровкой почти до колен. Да и косметика была наложена очень тщательно – сразу было видно: Даша готовилась к свиданию.

С трудом удержавшись, чтобы не обнять подругу в полутемном коридоре, Давыдов открывал перед ней одну за другой двери ИТЭФа. Даша восприняла это как должное. Что ж, красивая девушка привыкла, чтобы за ней ухаживали.

– Поехали к хоббитам! – предложила Даша, когда Давыдов вырулил на главное шоссе.

– Куда? – не понял Николай.

– Ну, в «Хоббитский уголок». Ты что, ни разу там не был?

– Не доводилось, – ответил Давыдов, размышляя, не бывал ли прежний Давыдов в таинственном «уголке». Судя по всему, он не любил выезжать в свет, но все же...

– Тогда тебе понравится! Мы с Леной, подругой моей, специально туда ездили в прошлом году. Уютно там и весело. Для студентов и для детей строили.

Даша указала на поворот, и Николай свернул на полупустую дорогу. И сразу привлекла внимание серая «волга» (на оживленной трассе неопытный в вопросах слежки Давыдов ее не обнаружил).

Молодые люди выехали, казалось, в чистое поле. Дорога вела к зеленеющему свежей весенней травой холму. Ни ресторана, ни кафе Давыдов не видел.

– Далеко еще? – спросил он Дашу.

– Да вот же, – указала Даша на холм.

Вглядевшись пристальнее, Николай вдруг понял, что холм – не просто холм. В пологом склоне были прорублены небольшие круглые окошки! Поворот дороги – и стала видна круглая, распахнутая настежь дверь. Возле нее под приглядом родителей резвились несколько малышей.

– Парковка немного дальше, – объяснила Даша.

Николай проехал мимо вывески, исполненной в стиле летящей эльфийской вязи, и оказался на пустующей стоянке. «Волга» остановилась поодаль. Из нее никто не вышел.

– Народ подтягивается ближе к вечеру. Сейчас «детское» время, – прокомментировала Даша.

– А нас пустят? – Николаю вдруг очень захотелось побывать в этом чудесном «хоббитском» кафе. Причем прямо сейчас!

– Конечно, – удивилась Даша. – Почему бы и нет? Одеты мы прилично, вести себя будем хорошо.

За круглой входной дверью оказался большой полутемный зал, освещенный светильниками, стилизованными под свечи. Впрочем, темным зал казался только после яркого дня. Привыкнув, можно было различить все детали убранства.

За стойкой бара не было ни водочных, ни винных бутылок. Только несколько темных бочонков с краниками и корзинки с закусками. За спиной бармена – крупного бородатого мужчины в зеленой куртке – возвышалась витрина с разнообразнейшими кексами. Над витриной – подсвеченная надпись, выполненная готическим шрифтом:

«Эль отпускается свободно после девятнадцати часов».

Даша и Николай заняли небольшой столик, и возле них тотчас появился официант. Яркая желтая куртка, зеленые штаны. И, что самое любопытное, официант был босиком. Казалось, что и подошвы у него волосатые, словно бы меховые. У Давыдова чуть было глаза на лоб не полезли, но потом он сообразил, что официант, скорее всего, не настоящий хоббит – ростом слишком высок – а на ногах у него что-то наподобие меховых тапочек.

– Что угодно? Эля? – спросил мнимый хоббит грубым или простуженным голосом. Еще бы – походите все время босиком! Даже по полу с подогревом, когда дверь то и дело открывается...

– Так ведь эль только после девятнадцати, – кивнул Давыдов на вывеску.

– Так то ж свободно, – объяснил крупный хоббит. – По пинте отпущу, ежели пожелаете. Да и по две – сразу приличных людей видно. Вы, хоть и громадины, напиться и буянить не будете. А ежели какие орки нагрянут, так им от ворот поворот – ни кружки до девятнадцати не получают. Потом шерифы на дежурство заступают, любого хулигана выкинут.

– Разве моя спутница – громадина? – усмехнулся Николай, все сильнее ощущая, как теряет связь с реальностью. Хоббиты, разговоры об орках, круглые окошки и бочки с элем...

– Простите великодушно, эльфа сразу видно, это я заработался, – поклонился хоббит. – Так как насчет эля? Или кекс? У нас кексы – лучшие в Южном Федеральном округе... То есть в Южном уделе, конечно!

– Эль так эль. И жареную курицу. И кекс, конечно.

– Курица – на вертеле, – объявил хоббит, разумея, естественно, курицу-гриль. – Через пять минут будет. Эль мигом принесу.

Даша засмеялась:

– По-моему, они репетируют диалоги. Штудируют Толкиена и стараются изъясняться, как завсегда «Зеленого дракона». Или Лавр Наркисс.

– Так и должно быть. – улыбнулся Николай. – Если уж взялись за дело...

Официант, выдававший себя за хоббита, резво принес две глиняные кружки с пенным напитком, на поверку оказавшимся некрепким светлым пивом. Скоро на столе появилась и курица с румяной корочкой, а также лаваш. Последний, прямо скажем, не упоминался в сагах, но к курице подходил. Принесли и кекс – пышный и на вид очень аппетитный, и блестящий чайник с чаем.

– Хорошо, – вздохнул Николай, насытившись. – Просто замечательно. Раньше мне как-то редко доводилось посещать подобные заведения. Здесь прямо клуб какой-то...

– Да это и есть молодежный клуб, – заметила Даша. – А то, что ты никуда не ходишь... Работа ведь отнимает столько времени.

Давыдов молча покивал головой.

– Мне в общем-то нравится учиться, но каждый день что-то вычислять, писать статьи, разрабатывать теории – не по мне. Я бы не смогла... Сложно, наверное?

– Тяжело заниматься математикой и при этом зарабатывать хорошие деньги... Особенно с непривычки, – признался расслабленный Николай. – Очень много соблазнов, и работа из них – самый большой. Но работа, как всем известно, не волк... Однако и денег без работы не получишь. Я ведь не какой-нибудь рантье...

Даша посмотрела на молодого человека с интересом. Таких речей она прежде явно не слышала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.